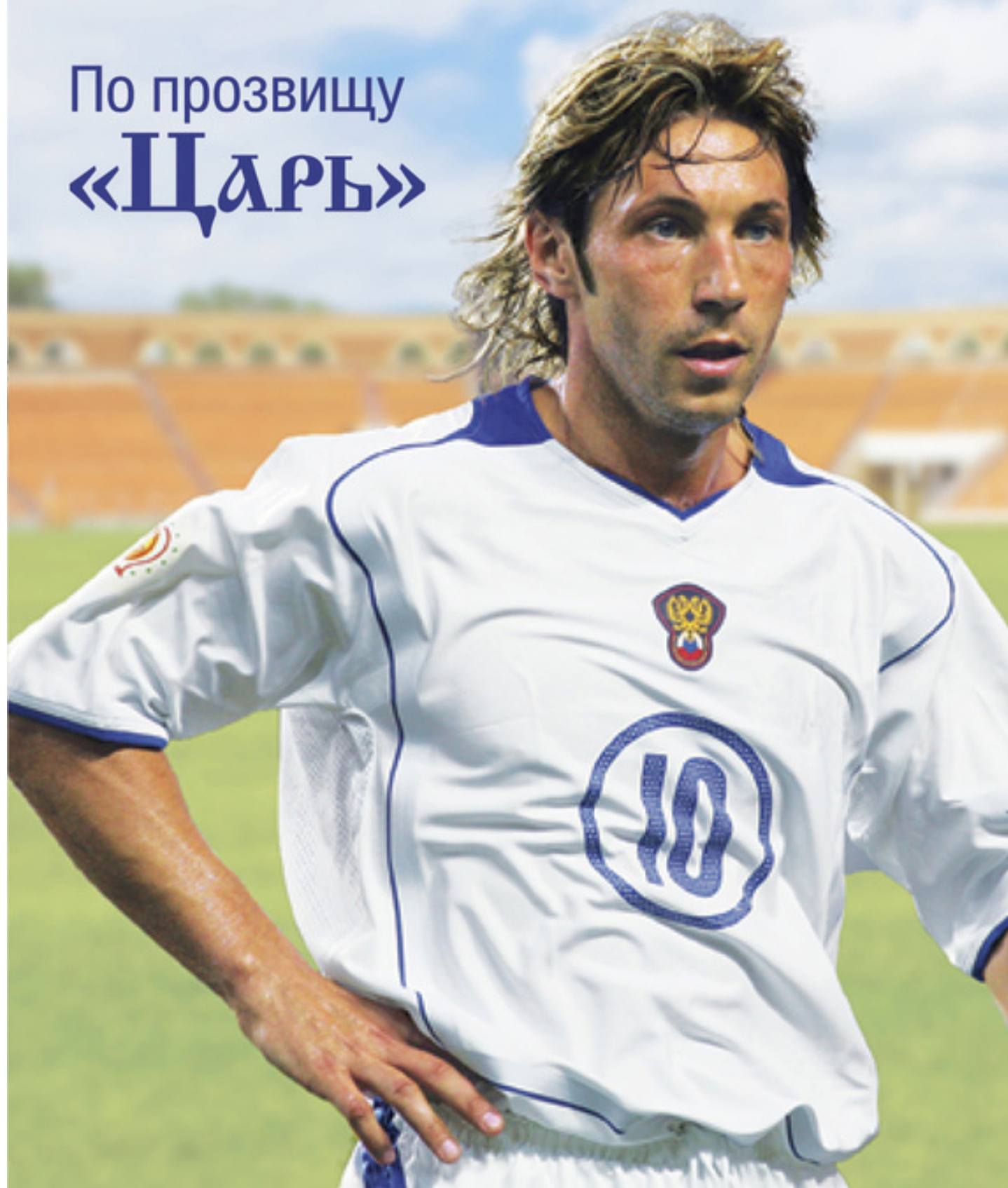

Александр МОСТОВОЙ

По прозвищу
«ЦАРЬ»

Денис Целых

По прозвищу «Царь»

«ЭКСМО»

2016

УДК 796.332:929
ББК 75.578

Целых Д.

По прозвищу «Царь» / Д. Целых — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-91043-4

Александр Мостовой – самый яркий российский футболист поколения 90-х. Его талант восхищал всю Испанию, где он выступал на протяжении восьми сезонов. «Царь», как называли Мостового в этой стране, заслуживал того, чтобы играть в величайших клубах Европы. Но карьера Мостового получилась неоднозначной. Венцом стало грустное расставание со сборной России из-за конфликта с тренером Георгием Ярцевым. Сам футболист считает, что мог достичь в своей жизни гораздо большего. Почему этого не произошло? Ответ Александр пытается дать в своей автобиографии. О Мостовом в этой книге рассказывают его родители, а также такие видные футбольные фигуры, как Олег Романцев, Валерий Карпин и Игорь Шалимов. Из книги Мостового вы также узнаете: – Как и почему на первых порах он прогуливал тренировки в «Спартаке»? – Почему Олег Романцев с самого начала был уверен, что будет гордиться Мостовым? – Как Валерий Шмаров забивал свой легендарный штрафной киевскому «Динамо»? – Что возмущало Мостового в психологии игроков испанской «Сельты»? – Как происходило его грустное расставание со сборной России? – Как и почему Мостовой не стал заканчивать карьеру в родной стране? – В какой сегодняшней российской команде он хотел бы играть?

УДК 796.332:929

ББК 75.578

ISBN 978-5-699-91043-4

© Целых Д., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Вступление. Парадоксов друг	7
Личное дело	8
Достижения	10
Глава 1. Дикие слова Ярцева	11
К сведению	13
Самое-самое	16
Глава 2. Между мячом и шайбой	18
Самое-самое	23
Родители о Мостовом: Саша никогда не был сложным ребенком	24
Глава 3. «Пресненская» семья	27
Валерий Жилиев о Мостовом: Саша с детства не стеснялся собственного мнения	34
Глава 4. Такой разный Романцев	36
Самое-самое от Романцева	41
Олег Романцев о Мостовом: я сразу понял: это настоящий бриллиант	42
Глава 5. Первое чемпионство	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Мостовой, Денис Целых

По прозвищу «Царь»

© Мостовой А., 2016

© ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Вступление. Парадоксов друг

У Александра Мостового, пожалуй, самая парадоксальная судьба из игроков поколения 90-х. Возможно, самый талантливый российский футболист за последние двадцать лет, он по большому счету ничего серьезного за свою карьеру не выиграл – за исключением двух ранних спартаковских чемпионств и Кубка Португалии, к победе в котором имел весьма незначительное отношение.

За границей он не поиграл в великих командах, хотя имел для этого все данные и возможности. Удивительно: не боясь в своей жизни плыть против течения, он так и не рискнул уйти из своей средненькой «Сельты». Парадокс? Да, и далеко не единственный в его судьбе.

Возможно, Александр обидится на это мое «средненькая». Ведь он превратил «Сельту» в настоящую грозу испанских авторитетов. И даже дотянул до Лиги чемпионов. Но уверен, что он однозначно согласится с другим посылом: по своему таланту, сполна оцененному в Испании, таланту русского футбольного царя, Мостовой мог играть в командах гораздо более высокого уровня – «Реале» и «Барселоне», вратарей которых он не раз огорчал в личных встречах.

Он, конечно, и без того достиг многого. Несколько лет подряд был капитаном иностранной команды, завоевал уважение и признание европейских болельщиков. Ему, наконец, собирались ставить памятник – еще при его футбольной жизни! И при этом никто не наградил прощальным матчем... Странно и грустно.

В сборной у Александра тоже все сложилось как-то парадоксально и нелепо. По числу проведенных в ней лет (14) Александр превзошел всех российских футболистов последнего времени. И именно матч за национальную команду, по сути, поставил крест на его карьере. Послематчевое интервью откликнулось публичным порицанием и отчислением.

Возможно, ему тогда не стоило давать оценки по горячим следам. Но нежелание проигрывать и обостренное чувство справедливости сыграли свою роль.

Сам Саша, вспоминая тот инцидент, часто использует слово «смешно». Что лично мне почему-то навеивает ассоциации со строками известной песни Владимира Высоцкого «Прерванный полет».

Помните? «Смешно, не правда ли, смешно, / Когда секунд недостает? / Недостающее звено, / И недолет, и недолет...»

То, что его карьера прервалась не в разгаре, а на излете, не меняет общей сути. До сих пор не покидает ощущение: чего-то он недорешил...

Один испанский ежегодник, предваряя сезон 2003/2004, выделил в «Сельте» трех игроков, дав им короткие характеристики. Вратаря Оскара Каваллерио он окрестил «опора», нападающего Саво Милошевича – «голеодор», Александра Мостового – «гений». Емко, но как выразительно!

Сам Александр как-то признался: «Моей голубой мечтой было бы сыграть за «Барсу» времен Круиффа. Представляете: Стоичков, Ромарио, Куман, Мостовой... Я, думаю, хорошо бы смотрелся с Лаудрупом в центре поля».

Не сложилось. А жаль. Его в такой команде на самом деле хотелось бы представить. В ней он однозначно не был бы худшим.

Денис Целых

Личное дело

Александр Владимирович Мостовой

Полузащитник.

Родился 22 августа 1968 года.

Рост – 179 см.

Вес – 76 кг.

Воспитанник футбольной школы ЦСКА.

Карьера – «Красная Пресня» (Москва), «Спартак», «Бенфика» (Португалия), «Кан» (Франция), «Страсбург» (Франция), «Сельта» (Испания), «Алавес» (Испания).

В высшем дивизионе чемпионата СССР дебютировал 7 июня 1987 года, провел 106 матчей, забил 34 гола. В чемпионате Португалии провел 9 матчей. В чемпионате Франции провел 76 матчей, забил 18 голов. В чемпионате Испании провел 240 матчей, забил 57 голов.

Сезон	Клуб	Турнир	Матчи	Голы
1987	Спартак	Высшая лига	18	6
1988	Спартак	Высшая лига	27	3
1989	Спартак	Высшая лига	11	3
1990	Спартак	Высшая лига	23	9
1991	Спартак	Высшая лига	27	13
1992/1993	Бенфика	Суперлига	9	0
1993/1994	Кан	Лига 1	15	3

Сезон	Клуб	Турнир	Матчи	Голы
1994/1995	Страсбург	Лига 1	29	6
1995/1996	Страсбург	Лига 1	32	9
1996/1997	Сельта	Премьера	31	5
1997/1998	Сельта	Премьера	34	8
1998/1999	Сельта	Премьера	33	6
1999/2000	Сельта	Премьера	26	6
2000/2001	Сельта	Премьера	30	9
2001/2002	Сельта	Премьера	30	10
2002/2003	Сельта	Премьера	26	6
2003/2004	Сельта	Премьера	24	6
2004/2005	Алавес	Сегунда	1	1

За сборную СССР/СНГ провел 15 матчей, забил 3 гола. За сборную России провел 50 матчей, забил 10 голов.

Сезон	Матчи	Голы
1990	4	1
1991	9	2
1992	3	
1993	3	2
1994	2	
1995	6	1
1996	9	3
1997	1	
1998	5	1
1999	2	1
2000	3	
2001	8	1
2002	4	
2003	4	1
2004	2	

Достижения

Чемпион СССР: 1987 г., 1989 г.

Обладатель Кубка СССР: 1992 г.

Обладатель Кубка Португалии: 1993 г.

Победитель Кубка Интертото: 2000 г.

Участник чемпионатов мира: 1994 г., 2002 г.

Участник чемпионатов Европы: 1996 г., 2004 г.

Чемпион Европы среди молодежных команд: 1990 г.

Обладатель приза «Лучшему дебютанту» чемпионата СССР: 1987 г.

Награжден медалью «80 лет Госкомспорта России».

Глава 1. Дикие слова Ярцева

«...Я еще надеялся, что это не конец. Ждал предложения от «Спартака», но оттуда никто так и не позвонил. И постепенно я смирился с тем, что приходится заканчивать».

...Свой телефон я отключил. В душе – опустошение. Не хочется абсолютно ничего. В том числе смотреть этот треклятый чемпионат Европы. Сердцем я уже тогда понимал: это конец. Конец карьеры... Никак не мог подумать, что все завершится так буднично.

Кто-то скажет: Мостовой вовремя повесил бутсы на гвоздь. 35 лет – возраст для футболиста солидный. Из-за травм многие заканчивают гораздо раньше. Но я хотел большего. Всегда говорил знакомым: буду играть, пока коленки не сотрутся. Они в ответ шутили. Вот и летом 2004 года верил – еще годик-два попылю. Роковой матч с Испанией перечеркнул эти надежды.

После той встречи, к которой вернусь еще не раз, я пребывал в полнейшем шоке. Больше всего резанули слова Ярцева: «Мостовой – не футболист». Это же надо было такое придумать!

Удивительно слышать, что я средненький игрок, после 17 лет в футболе, после «Спартака», после моих сезонов во Франции, в «Сельте», где я был капитаном. Ладно бы сравнили с Марадоной. Но в пример ставились игроки, которые добились в футболе гораздо меньше, чем я. Мол, вот они – футболисты, а Мостовой – никто. Дикость!

Да, у меня непростой характер – спортивный, боевой, жесткий. Я всегда говорю то, что думаю, никогда не прячусь за чью-то спину. Хотя в жизни – стеснительный.

Впрочем, в моей карьере уже была похожая история. В 1997 году сборная России, которой руководил Борис Игнатьев, играла отборочный матч с Кипром. На последней минуте, при счете 1:1, я упустил очень хороший момент. Выгодный, голевой. Бил головой с трех метров, но мяч попал в кочку и изменил направление полета. В итоге в сборной на меня повесили всех собак и на год забыли о существовании такого футболиста, как Мостовой. В клубе я был стабильно одним из лучших, а в сборную не звали, хоть ты тресни! Уже тогда недоумевал: ну как так можно?! Оказывается, можно.

Вот и через семь лет я стал крайним. Мой бедный телефон не умолкал в течение месяца. Откуда только журналисты не звонили: из Испании, Португалии, Франции, Германии! Я отключал сотовый на целые дни.

Эмоции журналистов мне понятны: Россия на том чемпионате была представлена всего двумя игроками, которых в Европе знали и уважали, – Мостовым и Аленичевым. Что же произошло, почему Ярцев так поступил? Никто не понимал – не понимал и я. Зачем стоило из моих в общем-то обычных послематчевых комментариев раздувать скандал?

Тот момент я помню как сейчас. Проиграли, причем по делу. Иду из раздевалки, вижу толпу журналистов с телекамерами. Кричат: «Александр, несколько вопросов». Останавливаюсь, несмотря на то что настроение отвратительное. Игра очень сильно разочаровала.

И тут вопросы начинают лететь на меня один за другим. На разных языках – испанском, французском, португальском. Вокруг меня столпились человек сорок. Я, как могу, отвечаю. Спрашивают:

– Почему команда в конце матча не бежала?

Отвечаю:

– Наверное, не хватало «физики».

– Почему?

– Возможно, что-то не так было в тренировочном процессе.

Разумеется, задали вопрос о шансах на выход из группы – ну так они действительно заметно снизились. Тем более что следом предстояла встреча с хозяевами турнира. Глупо было делать хорошую мину при плохой игре и говорить, как у нас все замечательно. Я сказал что-то криминальное? Сомневаюсь. А меня выставили натуральным врагом народа. Это нормально?

К сведению

Мнение Мостового во многом подтвердили слова его партнера по сборной России – Ролана Гусева. Он тоже косвенно пожаловался на изъяды в тренировочном процессе при Ярцеве. «Во время матча с Испанией у меня было такое впечатление, будто только что уже провел одну игру и сразу вышел на вторую», – заявил Гусев.

...После возвращения домой, в Испанию, у меня наступила самая настоящая апатия. Чемпионат Европы если и смотрел, то урывками. Думал: «А зачем он мне нужен?» Сначала в душе была обида – огромная, сильно засевшая внутри меня. Это же беспрецедентный случай в мировой практике, когда футболиста во время чемпионата Европы отчислили по столь непонятной причине. Тем не менее я старался не раздувать эту тему в СМИ. Дал два-три интервью, но в них сказал, что зла ни на кого не держу, что каждый поступает так, как видит эту жизнь, и что время само расставит все по своим местам. С Ярцевым я больше не общался. Не видел в этом необходимости. Человек задел мое футбольное имя, на которое я работал столько лет. Именно работал, а не получил на халяву! Хотя у нас 50 процентов футболистов выезжают за счет имиджа. Забил красивый гол и три месяца ходит героем! Я же прошел через многие испытания и трудности, чтобы добиться того, чего добился. И репутацию сильного футболиста, уважаемого в Европе, заработал в первую очередь своей игрой. В России за последние 10–15 лет было не так-то много игроков, которые долго и стабильно выступали на высоком уровне. Спрашивается: могли ли не задеть меня слова Ярцева?

После чемпионата Европы все мои беды сплелись в один клубок. Началось разбирательство с «Сельтой», которая задолжала приличную сумму по контракту. Серьезные проблемы были и в семейной жизни...

В психологическом отношении самыми сложными оказались первые месяцы после чемпионата Европы. Я еще надеялся, что это не конец. Ждал предложения от «Спартак», но оттуда никто не позвонил. И постепенно смирился с тем, что придется заканчивать. Хотя друзья – Коля Писарев, Игорь Шалимов – не раз говорили мне: ты еще не сказал своего последнего слова.

Есть мнение, что, завершив карьеру, спортсмен попадает в другую действительность. У меня такого крутого перехода не было. У футболистов, играющих на Западе, свободный распорядок дня. Утром проснулся, позавтракал, потом два часа потренировался, и все – в час дня ты свободен. Личного времени – сколько угодно. Единственное, что изменилось: раньше я все-таки готовил себя к тому, что каждый день надо ехать на тренировку, а в выходные – на матч. Теперь же по субботам и воскресеньям иногда не знал, что делать. Старался занимать себя чем-то другим. Стал поигрывать в теннис. Я вообще по жизни человек спортивный.

Некоторые футболисты, заканчивая карьеру, сразу же окунаются в мир развлечений. Начинают пить, гулять, курить, шиковать – мол, один раз живем. У меня все было по-другому. Даже вес игровой не терял. Хотя многие игроки после окончания карьеры начинают сильно полнеть. У Игоря Шалимова в первое время было килограммов двадцать лишку. Я же и в игровые годы никогда не вел особо разгульного образа жизни, потому что действительно не хотел.

Хотя возможностей погулять хватало. В конце 80-х в нашей стране стали происходить перемены, началась перестройка. И то, что многим людям еще было недоступно, мы, футболисты, могли получить легко, тем более что деньги у нас водились. Если мои родители работали от звонка до звонка (мама парикмахером, а отец электромонтером) и получали при этом по 90–100 рублей, то я, играя в «Спартак», всего лишь бил по мячу, а зарабатывал в три-четыре раза больше. В те времена – огромные деньги. Появилась уйма соблазнов –

бары, кафе, рестораны. Я, конечно, ходил туда с друзьями, но выглядел белой вороной. До поры до времени вообще не знал, что такое алкоголь. Даже пиво, которое сегодня пьют в 15 лет, я попробовал в 24 года. Не любил спиртное – и точка. Зачем оно мне? Курить я в жизни не пробовал, хотя дурных примеров хватало. Тот же Шалимов уже в 18 лет всюю дымил, и все об этом знали. Обычно как бывает: выпьешь, покуришь, и тебя тянет на подвиги. Я же, наоборот, хватал Шалю и говорил: «Нет, надо ехать домой, завтра у нас тренировка».

Когда мы собирались в компаниях, ребята меня уже не дергали, знали: я, как всегда, сяду сбоку, буду пить чай и есть какие-нибудь пирожные.

Перед вредными привычками я сразу поставил стену. Отец еще в детстве приучил, что курить плохо. Я не спорил: плохо – значит, плохо. Так и шел по жизни. И сейчас тоже иду. Кто знает, может, поэтому и поиграл на высоком уровне больше, чем другие?

Полагаю, выступай я сегодня, пробиться было бы намного проще. Иногда думаю: жалко, что не родился на 15 лет позже. Это касается и футбола, и в целом жизни в стране. В советское время все делалось из-под палки. Никто ничего не зарабатывал, никто никого не уважал. Все стремились к какому-то непонятному коммунизму. Кто его только выдумал? А люди, отдававшие здоровье на футбольных полях, заканчивали жизнь в нищете.

Сейчас для игроков созданы намного лучшие условия, но и соблазнов стало гораздо больше. Однако тут уж все зависит от человека, от его характера. Тем более что в нынешние времена заработать на безбедную жизнь гораздо легче, чем раньше. И, что самое удивительное, не обязательно при этом совершать что-то выдающееся, особенно в нашей стране. В России своя специфика. Мы особенные. Здесь из грязи в князи можно за одну минуту вылезти. Особого труда не надо. Во многих командах так и происходит.

Когда я узнавал, какие премиальные платились в 2007 году за матч в московском «Локомотиве», мне становилось смешно. Я считаю, это бескультурие. Ничего не хочу сказать про игроков, которые получают такие деньжищи. Винаваты те, кто их платит. Деньги не должны доставаться так легко. Что такое премиальные? Это бонус. Но у всех футболистов и так есть контракты, которые надо отрабатывать. Да, поощрения нужны. Но когда они выливаются в суммы, на которые, как признался бывший нападающий «Локомотива» Гарри О'Коннор, можно купить «Феррари», я даже не знаю, что и сказать. А ведь 80 процентов населения нашей страны живет за чертой бедности. Должны же быть рамки. Одно дело – ты чемпионат страны выиграл или Кубок УЕФА, а другое – добился победы в обычном календарном матче. Когда мы встречались с «Сарагосой» в финале Кубка Испании, нам за выигрыш пообещали по 20 тысяч евро. И мне совсем непонятно, почему в нашей стране еще большие суммы платятся за победу, условно, над «Амкарм».

Вспоминаю, как в самарские «Крылья Советов» в конце нулевых годов перешел мой бывший одноклубник по «Сельте» бразилец Катанья. Он испытал легкий шок, когда столкнулся с нашей «премиальной системой». Перед матчем второго или третьего тура чемпионата России парень позвонил мне и удивленно спросил:

– Объясни, Алекс, мне тут дополнительно пообещали какую-то достаточно внушительную сумму. За что?

– Ката, это премиальные. Если выиграете, ты получишь эти деньги.

– Как? За одну игру в чемпионате?

– Да, Ката, это Россия.

– А если не выиграем?

– Если не выиграете... все равно получите.

Потом он рассказывал, что три часа лежал на кровати – смотрел в потолок. Никак не мог понять: как в России за одну игру можно получить премиальных больше, чем ему дали бы за весь год в Европе.

Такая вот у нас футбольная страна. Я только одного понять не могу. Все говорят, что российский футбол сейчас на подъеме. Но почему же тогда наши футболисты не пользуются спросом на Западе? Раньше в ведущих европейских чемпионатах одновременно играли человек 15–20 россиян. Сегодня их по пальцам можно перечесть. А тех, кто выступает регулярно, и вовсе почти не осталось. Когда зимой 2007 года в «Севилью» перешел Александр Кержаков, все в один голос запели ему дифирамбы: «Молодец парень, оценили, пробился». А я сразу сказал: «Не торопитесь с комплиментами. Сейчас команда на ходу. И вписаться в нее – не такая уж большая проблема. Трудности пойдут, когда у «Севильи» закончится полоса удачи». И оказался прав. Все-таки испанский чемпионат я знаю изнутри.

Да, я реализовал себя не полностью. Далеко не полностью. Но, тем не менее, у меня была не самая плохая карьера. И это тоже греет душу. Жаль, что не поиграл в «Барселоне» или «Реале». В свое время я об этом особенно не задумывался. Хотя были все предпосылки, чтобы я попал в один из суперклубов. Мне многие говорили о том, что я достоин выступать в таких командах. Их игроки в конечном итоге и становятся звездами мирового масштаба. Самый лучший пример – Бекхэм. Обычный футболист. Ничем не лучше нашего Валеры Карпина. Но при этом – мировая звезда. На свой имидж он сработал бесподобно.

Мне же не хватило капельки футбольного счастья. Впрочем, что сейчас убиваться? Время упущено. Чего не вернуть, того не вернуть. Я доволен и тем, чего добился.

Самое-самое

...ВАЖНЫЙ ГОЛ

– На первое место поставлю гол в ворота «Наполи» в ответном матче Кубка чемпионов-1990, который я забил в серии послематчевых пенальти. Счет к тому моменту был 4:4 – у итальянцев промазал защитник Барони, и я бил пятым. Вратарь угадал направление удара. Я думал: все, возьмет. Но он все-таки не дотянулся. И мы праздновали победу над командой самого Марадоны.

А вообще важные голы обычно забиваются в финалах каких-то турниров или когда ты приносишь своей команде чемпионство. Мне в этом плане было сложнее: мои заграничные клубы не были грандами. Вспоминаю опять же финальный матч Кубка Испании против «Сарагосы». Я на 5-й минуте забил очень красивый гол, обыграв четырех человек. Но в итоге мы проиграли. И можно ли после этого назвать гол «Сарагосе» важным? Вот если бы мы взяли тот Кубок...

...КРАСИВЫЙ ГОЛ

– На память приходят два мяча, забитые за «Спартак». Один – в ворота ЦСКА летом 1991 года. Я «положил» мяч в самую девятку точным ударом со штрафного. Этот гол оказался единственным в матче. Ну и, конечно, не забыть гол, который я забил в 1990 году в манеже «Олимпийский» в ворота харьковского «Металлиста», обыграв по ходу шесть игроков соперника.

...ЗАБАВНЫЙ ГОЛ

– Его я забил «Жальгирису» в 1987 году, в мой первый сезон в «Спартаке». Вратарь Альмонтас Калинаускас выбивал мяч в поле, а я (энергии и желания было хоть отбавляй) помчался на него. И мое рвение было вознаграждено. Мяч у голкипера соперников срезался и угодил мне в живот, а от него залетел в ворота. Помню, я еще пытался увернуться, но не удалось. Очень забавный получился эпизод.

...ТИПИЧНЫЙ ГОЛ

– Я особенно любил забивать следующим образом: получал мяч в районе линии штрафной и бил в противоход вратарю. Если голкипер двигался к центру ворот, я тут же старался наказать его, целя в самый угол. Пытался, чтобы точность была, как в бильярде. А это не так-то просто.

...ЛЮБИМЫЙ ПАРТНЕР

– В «Спартаке» – Игорь Шалимов. В «Сельте» – Валерий Карпин. Хотя в этой команде можно назвать целую уйму игроков, которых я понимал с закрытыми глазами: Макелеле, Мазинью, Ревиво.

...НЕУДОБНЫЙ ЗАЩИТНИК

– Йерро из «Реала». Хотя против мадридцев мы, как правило, удачно играли. Но именно с этим парнем мне было тяжело. У нас с Фернандо до сих пор сохранились дружеские отношения. Хотя из-за меня и предупреждения получал, и удаления.

...БОЛЕЗНЕННАЯ ТРАВМА

– Повреждение паховых колец. Я получил его на тренировке перед памятным матчем со сборной Франции, когда Россия сенсационно победила на «Сен-Дени» – 3:2. На ту игру я все-таки вышел, но буквально через 20 минут после начала матча меня заменили: я еле ушел с поля.

...ОБИДНАЯ ТРАВМА

– Их было две. Из-за первой, в 1992 году, пропустил чемпионат Европы. Незадолго до отъезда на турнир натер мозоль на большом пальце ноги. Туда попала грязь, и началось заражение. Меня прооперировали, и руководивший командой Анатолий Бышовец сказал,

что я не смогу играть на турнире, хотя я почти залечил свою ногу. Было очень обидно. А потом в 2002 году я пропустил чемпионат мира в Японии и Корее, дернув мышцу в товарищеской встрече с Югославией. Тоже очень переживал. Я вообще считаю, что судьба немного несправедливо ко мне относилась. И до сих пор я это вижу.

....ЛЮБИМЫЙ ВРАТАРЬ

– Я считаю, не существует таких вратарей, которым трудно забить. В той же испанской лиге, по-моему, нет команды, которая не пропускала от меня мячей. Если здорово пробьешь, никакой голкипер не спасет. Да, бывают ситуации, когда ты лупишь-лупишь, а все мячи приклеиваются к вратарю. Здесь может быть два варианта: либо голкипер верно выбирает позицию, либо... ты плохо бьешь. Поверьте мне: ворота такие огромные, что, ударив сильно и точно, вы обязательно забьете.

....ЛЮБИМАЯ КОМАНДА

– «Реал Сосьедад». Ему забил, по-моему, мячей семь. Когда бы ни встречались с «Сосьедадом», у меня в игре с этой командой все складывалось удачно.

...ПАМЯТНЫЙ МАТЧ

– Особенно запомнилась моя первая игра в стартовом составе «Спартака», против минского «Динамо». Ух, и нервничал же я тогда, но отыграл вроде бы неплохо. С этого момента стал выступать за «Спартак» регулярно. А еще выделю финал молодежного первенства Европы с югославами, когда мы стали чемпионами.

Глава 2. Между мячом и шайбой

«...Когда я сидел дома и извлекал звуки из своего баяна, за окном веселились ребята – играли в футбол или в городки. А я, вывернув шею, смотрел на них. И, в конце концов, не выдержал: «Да отстаньте вы от меня со своим баяном!» И убежал на улицу».

Мало кто знает, что первым в «Спартаке» мог заиграть другой Мостовой – не Александр, а Владимир, мой отец. В 1970 году дубль красно-белых приехал на товарищеский матч в Лобню. За местную команду выступал мой папа. Называлась она «Колос». Матч закончился вничью – 3:3, а отец забил два мяча и очень даже понравился спартаковским представителям, которые были на матче. В том числе тренеру Никите Симоняну. Завели разговоры о переходе. А директор «Колоса» встал и сказал:

– Да зачем он вам? Ему 33 года уже, скоро заканчивать будет...

Симонян подумал-подумал и согласился:

– Да, неперспективный...

Изюминка истории в том, что отцу на тот момент было всего 24 года. Но руководство «Колоса» не хотело просто так расставаться с ведущим игроком команды, который делал результат и помогал побеждать на областных состязаниях. В общем, схитрил директор. Отец узнал об этой истории через десять с лишним лет, когда в «Спартаке» уже выступал его сын. И, конечно же, расстроился. Но что поделать – жизнь не перепишешь. Зато в «Спартаке» заиграл я.

Отец, Владимир Яковлевич: Прекрасно помню тот матч. Ливень был страшный. Мы минут 15 не доиграли. А после матча Никита Симонян подошел к директору нашего совхоза Арнольду Турову, который держал и собирал нашу команду, и сказал:

– Я у тебя эту «электричку» забираю.

А я действительно носился по полю как угорелый. Туров очень не хотел меня отпускать и сразу же добавил мне почти десять лет. Говорит:

– Он уже заканчивает, ему 33.

– Как 33? По игре не скажешь. Как он носится и рвет всех!

– Да, Никита Палыч, 33.

Так и замяли разговор. Директор налил Симоняну коньячку, и тема забылась. Мне о деталях потом спартаковский селекционер Валентин Покровский рассказывал. Если бы Симонян лично ко мне подошел и сделал такое предложение, я бы босиком в Тарасовку убежал.

...Разумеется, у меня с детства был мяч – сколько себя помню. Рядом с нашим домом в поселке Останкино располагался стадион, где играла взрослая команда, и я постоянно на нем пропадал. Футбол был любимым развлечением. Надо ли говорить, как я обрадовался, когда во втором классе узнал, что отец одного из наших учеников решил создать собственную команду? Это было огромное, непередаваемое словами счастье!

Нас собрали на этом самом стадионе – где проводили свои матчи взрослые, – в каком-то деревянном шалаше, который считался раздевалкой. И объявили: так, мол, и так, пацаны, хотим из вас создать свою команду. Добавив при этом: готовьтесь к игре, к вам едут ребята из другого подмосковного города.

Для нас эта новость была чем-то несусветным. Играть в футбол своей командой – с ребятами из какого-то другого района! Да еще на том самом стадионе, где обычно выступали взрослые! Фантастика, да и только!

Тех заезжих мы буквально разорвали. Отгрузили ребятам семь или восемь мячей, а они нам – ни одного. Особенно эта игра удалась мне – забил, по-моему, четыре или пять голов. Ребята уехали от нас чуть не плача. Мы же сияли от счастья и чувствовали себя героями. И я – в первых рядах.

Я с детства выделялся среди сверстников. Не могу сказать, что со мной долго и часто возился отец – я сам проходил свои университеты. Возвращался со школы, кидал портфель, переодевался, брал мяч и кричал в открытое окно: «Я на стадион, кто со мной?» Мне было без разницы, сколько народу приходило. Мы могли играть хоть один на один. Главное – у нас был мяч. Если в партнеры вообще никого не набиралось, тоже не грустил. Расставлял по полю консервные банки и начинал их обводить. А технику паса отрабатывал со штангой ворот. Если на поле рубились взрослые, напрашивался поиграть к ним. Домой я приходил ближе к ночи.

У меня с самого начала, что называется, пошло. Я мог обыгрывать по пять, шесть человек и забивал, забивал, забивал. А наша команда, которую называли «Колосок», с моей помощью громила всех подряд.

Думаю, что техника – это в первую очередь то, с чем ты родился. Можно, конечно, отработать разные детали – приемы, удары. Но все равно: талант есть талант. Он заложен в тебе изначально. Я бы не сказал, что Месси освоил все свои трюки исключительно благодаря каждодневным тренировкам. Нет, в основе его мастерства лежал талант, который он правильным образом развил. И я тоже старался развивать. Иной раз звал какого-нибудь парнишку: «А ну-ка, попробуй, отними у меня мяч». Если тот соглашался, то мучился потом до тех пор, пока у него не начинала кружиться голова.

Наша команда выступала на первенстве области, в турнирах «Кожаный мяч» и во многих соревнованиях занимала первые места. Ну а в своем Дмитровском районе равных нам и близко не было.

Играя в нападении, я забивал почти в каждом матче. В таком возрасте огромный плюс, когда в команде есть мальчик, заметно выделяющийся среди всех остальных. Я бегал впереди – и просил одного: чтобы мне выбили мяч.

Один гол из своего детства я помню как сейчас. В каком-то матче мы долго не могли забить. Я, как всегда, носился впереди и кричал: «Дайте мяч!» Но он до меня упорно не доходил. В воротах у нас стоял очень толстый парнишка. И у него была проблема – не мог далеко выбивать мячи. Я орал ему, орал, и в конце концов мне это надоело. Бросился в оборону и кричу ему: «Давай пас!» Он катнул мне мяч, я подхватил его, а после этого...

То, что произошло после этого, я помню, как в замедленной киноплёнке, метр за метром. Я обыграл первого соперника, за ним второго, третьего, четвертого... Меня было не остановить. Видимо, такая злость на этого вратаря накопилась! В итоге, обыграв по ходу следования шесть человек, я примчался к чужим воротам и катнул мяч мимо чужого вратаря. И победоносно обернулся в сторону нашего голкипера: мол, понял, как надо?..

Футбол был не единственной моей детской страстью. Помимо него я занимался еще и хоккеем. У нас тоже была своя команда, которая образовалась чуть позже, чем футбольная. На коньках я также был лидером и тоже много забивал. И любил хоккей не меньше, чем футбол. Мне легко давались все игровые виды спорта – и баскетбол, и волейбол, и настольный теннис.

Лет в одиннадцать родители неожиданно решили отдать меня в музыкальную школу. В то время это считалось модным. У бабушки был баян, и родители привезли мне этот чудесный музыкальный инструмент. Учился, по-моему, месяц. Ходил в музыкальную школу,

пытался играть на пианино. Но эта наука мне так и не покорилась. Еще бы – когда я сидел дома и извлекал звуки из своего баяна, за окном веселились ребята – играли в футбол или в городки. А я, вывернув шею, смотрел на них. И, в конце концов, не выдержал:

– Да отстаньте вы от меня со своим баяном!

И убежал на улицу.

В школе я не любил физику и химию. Нравились же предметы, где я мог себя творчески выразить. Очень любил рисование. Самой же ненавистной дисциплиной – уже в старших классах – для меня стала история КПСС. Ее я терпеть не мог. Не понимал, зачем нам все это нужно – эти съезды, доклады, речи. Я был в ужасе, когда по этому предмету предстояло сдавать экзамены. Когда мне принесли билеты, примерно 30 штук, я посмотрел на них вытаращенными глазами и спросил:

– Что это такое? Как я это могу выучить? И кому это надо?

Меня утомляли все эти атрибуты советской власти – пионерские галстуки, комсомольские значки, собрания, ходьба строем. Неужели все это было со мной?!

Из школьных предметов мне очень нравилась география. В то время мы ничего не видели, кроме своего Подмосковья. И когда учитель рассказывал про какую-то страну, мы слушали его с разинутыми ртами. Даже не верилось, что где-то есть совсем другая жизнь, другие народы, которые говорят на своих языках. Я и представить не мог, что в свое время изъезжу весь мир. В школьные годы путешествовал только в мечтах.

Очень любил животных, особенно собак. Но дома у меня своего любимца не было, и мы с ребятами ухаживали за дворовыми псами. Соорудили им домик из каких-то плит и каждый день навещали, кормили. Кто что из еды утащит – все несли своим четвероногим друзьям. У каждого из нас была своя подшефная собака. После школы мы часто ходили выгуливать их на пруд.

Конечно, в детстве не обходилось без драк. Дрался я отчаянно, так, что все наши ребята всегда прятались за меня. Когда ходили в кино или на танцы, после них у Дома культуры всегда собирались парни и искали глазами: с кем бы помахаться. «Дай закурить» – и начинается! Приходилось стоять за себя. Не любил уступать.

Первым я почти никогда не начинал. Но если видел несправедливость, заводился. Вообще детство в Подмосковье – это сплошные драки.

Злился я и на тренировках: если замечал, как кто-то работает не в полную силу или уваливает от выполнения каких-то упражнений. В подобных ситуациях не мог оставаться в стороне. А те пацаны, к которым я обращался, начинали шикать на меня: мол, пошел ты куда подальше, кто ты такой? Что было дальше, объяснять, думаю, не надо: кулаки у меня всегда были наготове. А ведь я всего лишь просил человека, чтобы он полностью отдавался работе. Ребята же думали, что Мостовой ставит себя выше их.

На футбольном поле я всегда ненавидел несправедливость. Если во время игры меня начинали провоцировать – специально били по ногам, толкали, – я никогда не прятался и не убегал. Я разворачивался и давал сдачи.

Я всегда любил правду и злился, когда что-то происходило не по делу. Если в школе видел, как какой-то парень что-то делает исподтишка, выходил из себя. Знаете, как это бывает в детстве: ля-ля-ля, а сам тетрадку в соседа кинул. Учитель поворачивается и говорит:

– Мостовой, ты что делаешь?

А это не я. Встаю и говорю тому парню:

– Ну что, сам признаешься?

А он в ответ:

– Ты чего? Молчи, дурень!

Естественно, этот смельчак сразу же получал от меня по физиономии. Нет, я не был злым, скорее, наоборот, добрым. Но моя доброта сочеталась с резким неприятием какой бы то ни было несправедливости.

А вот в отношениях с девочками я был стеснительным. Эта стеснительность не давала повода думать, что со мной можно тесно дружить. К тому же девчонки любили говорунов, а я таким не был. У меня все было заиклено на спорте.

В 12 лет в моей жизни произошли перемены – отец договорился со знакомым тренером, чтобы меня взяли в школу ЦСКА. Приехал на просмотр, потренировался, и после пары занятий мне сказали:

– Оставайся, парень.

Так я стал армейцем. Поначалу было тяжело. Дорога от родного Останкина до манежа ЦСКА в один конец занимала два с половиной часа. Прибегал домой из школы, что-то перехватывал на лету и бегом на автобус. Потом электричка до Савеловского вокзала, оттуда опростежью до троллейбусной остановки. Вылетал на «Динамо», дальше мчался через летное поле на Ходынке, перепрыгивал через забор – чтобы вовремя попасть на тренировку... В обход было гораздо дольше. Обратно – то же самое: бегом до «Динамо», там троллейбус, потом электричка. Домой возвращался ближе к одиннадцати вечера. А утром надо было идти в школу. Уставал – жутко. Иногда пропускал тренировки и ездил только на матчи. По-другому не получалось.

Сами тренировки – тоже не сахар. Это у себя, в поселковой команде, я был лучшим, а в ЦСКА ничем не выделялся. Наоборот, уступал многим в плане физических кондиций. Поэтому из нападения меня перевели в центр полузащиты, где я выезжал порой за счет головы, каких-то нестандартных ходов.

Самое любопытное: учась в школе ЦСКА, а в будущем попав в «Спартак», в детстве я болел за... киевское «Динамо». На фанатской почве у нас постоянно вспыхивали разногласия и разборки. В школу даже специально приходили милиционеры: записывали в свои блокнотики, кто за какую команду болеет. Самые рьяные фанаты собирались на железнодорожной станции Лобня, и там у них начинались свои «междусобойчики».

Со временем, повзрослев, я стал все больше и больше сторониться драк. Время было опасное. Одного моего знакомого зарезали. Ребята погибали ни за что. И я начинал понимать: драки – это не то, что мне нужно в жизни. В конфликтных ситуациях иногда лучше уходить в сторону.

В 16 лет я окончил школу и встал перед выбором: что дальше? До армии оставалось два года, и их надо было чем-то занять. Собрались вчетвером с друзьями и решили: поступаем в Институт физкультуры. Мы любили спорт, и выбор был понятен. Однако перед самыми экзаменами я уехал на очередной турнир в составе ЦСКА. И выпал из обоймы. Да и товарищи мои не особенно преуспели при поступлении: сначала «провалился» один, потом – другой, и на самом последнем экзамене – третий.

Что делать: собрались опять. И приняли коллективное решение – поступаем в радиотехнический техникум. Нет, лично я-то, повторюсь, физику не любил. Но у выбранного нами учебного заведения был существенный плюс: оно находилось ближе многих других к нашему Останкину. И я снова сел за парту.

С окончанием школы были ликвидированы и наши команды – футбольная и хоккейная. Я продолжал заниматься в ЦСКА, но каких-то особенных перспектив в армейских рядах у меня не было. С вылетом красно-синих в первую лигу был ликвидирован их дубль. А в первую команду из школы приглашали одного, максимум двух человек. И хотя меня уже начали вызывать в сборную Москвы, во взрослом ЦСКА футболиста Мостового не замечали. И это было понятно: в полузащите за основной состав выступали ребята на два-три года старше меня, входившие в юниорскую сборную СССР, – Татарчук, Иванаускас, Колес-

ников. В такой внушительной компании шансов заиграть в первой команде у меня почти не было. Зато в нее попал наш вратарь – Мишка Еремин.

Ну а я в тот момент и предположить не мог, куда выведет меня судьба. Будущее было в тумане. Но вскоре мой час настал. Как-то вечером в телефонном разговоре один из моих партнеров по армейской школе сказал:

– Обязательно приезжай завтра на тренировку в ЦСКА, с тобой хочет поговорить тренер.

Крайне заинтригованный, приехал. Тренер, Евгений Николаев, не стал долго тянуть:

– Саш, появился вариант. «Красная Пресня», вторая лига. Тренером там Олег Иванович Романцев, который не так давно сам играл и был капитаном «Спартака». Хочешь попробовать?

Я открыл рот. Он спрашивал, хотел ли я? Конечно, хотел! Для меня в ту пору этот вариант выглядел чем-то несусветным, как будто меня звал «Милан». Вечером я собрал всех своих знакомых ребят и в торжественной обстановке объявил:

– Пацаны, приглашает «Красная Пресня». Зовут к себе на тренировку.

Гордость так и переполняла. А утром поехал звонить, узнавать, когда и куда мне ехать, дома-то у нас телефона не было. Ну а потом я отправился в путь. Свой путь – в профессиональный футбол.

Самое-самое

...ГЛАВНАЯ МЕЧТА ДЕТСТВА

– Я не был мечтательным пареньком. В детстве старшие любили задавать вопросы: «Кем ты будешь? Кем ты хочешь работать?» В таких случаях я отвечал: «Никем». А ответы моих одноклассников: «Инженером, трактористом, механиком» – раздражали. Если бы я сказал, что мечтаю стать футболистом, меня бы не поняли. Это не считалось за профессию. Над таким ответом все бы смеялись. Чего мне хотелось на самом деле? Наверное, какой-то другой жизни. Нормальной. Возможно, заграничной. Раньше слово «заграница» манило. Очень хотел когда-нибудь оказаться за кордоном – чтобы увидеть и понять, как люди могут так разное жить. Такие же люди: с головой, двумя ногами и двумя руками – и так отличаться от нас в плане быта.

...ГЛАВНЫЙ КУМИР ДЕТСТВА

– У меня их не было. Ни одного. Это сейчас все зарубежные чемпионаты – на виду, а раньше мы о чужом футболе почти ничего не знали. У меня детство прошло на поле. Единственное, что помню, – собирал цветные футбольные фотографии... В ГДР был модный журнал, в котором печатались постеры – снимки разных команд. У одного из моих друзей родители работали в Восточной Германии. И если этот парень приносил журнал в школу, я готов был подраться, чтобы мне его отдали. А картинку потом выдирали и вешали на стенку у кровати.

...ГЛАВНАЯ ВЕЩЬ, КОТОРОЙ НАУЧИЛ ОТЕЦ

– Мне практически никто и никогда не давал советов и целенаправленно не учил: мол, это надо делать так, а то – эдак. У отца я перенял спортивную и человеческую настойчивость. Понял, что никогда нельзя говорить: не могу. Даже если чувствую: тяжело, но умом понимаю – надо. В детстве у моих родителей часто спрашивали: почему у вас такой сын упрямый? А я действительно мог упираться до последнего: мол, пока я это не сделаю, не сойду с места.

...ШАЛЬНОЙ ПОСТУПОК ЮНОСТИ

– Их было множество. Летняя жизнь в Подмоскowie – это пионерлагеря, бестолковые, необдуманные поступки. Мы могли ночью ползти в чужой сад, где сидит злая собака, чтобы сорвать какое-то несчастное яблоко. Эта собака на тебя прыгает, ты от нее убегаешь, перепрыгиваешь через забор, цепляешься за проволоку... Такие случаи были сплошь и рядом. Я не был заводилой, бегал в компании, не отставал. Как-то на пруду стащили лодку. Отцепили ее и в три часа ночи поплыли на другой берег – а там отдыхающие жгли костер. Мы обкидали их помидорами, а они потом носились за нами с палками. Словом, шалили. На то и детство.

...СИЛЬНОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ ДЕТСТВА

– К нам в пионерлагеря приезжали дети из соцстран – Болгарии, Румынии. И я влюбился в девочку из Болгарии. Она была самая красивая из своей группы. Когда она уехала, я очень сильно страдал. Потом мы долго переписывались... Возможно, это моя первая влюбленность.

...БОЛЬШАЯ ОБИДА ДЕТСТВА

– Большинство обид связано с футбольными или же хоккейными поражениями. Помню, как играли на турнире «Кожаный мяч» в Горьком. Шел полуфинальный матч. Перед его началом мне сказали: если я в этой встрече хорошо сыграю и забью гол, буду признан лучшим игроком турнира. Но соперник оказался не подарок. Нашу команду «возили» всю игру. Пацаны так испугались, что не могли выбраться из своей штрафной. Сгрудились в ней и отбивались. Я один носился впереди и просил лишь о том, чтобы мне выбили мяч – любыми силами. Но у ребят не получалось и этого. Я бегал, злился, кричал, не зная, что

делать. Видел, что все ребята струхнули. В итоге начал орать буквально на всех – и на своих, и на чужих. Судья не стал долго смотреть и удалил меня в самом начале второго тайма. Он был прав – со мной произошел натуральный нервный срыв. Я долго не мог прийти в себя. И затаил на партнеров огромную обиду. Тот матч мы проиграли 0:1, пропустив решающий мяч ближе к концу встречи. А я долго ни с кем не разговаривал.

...ЯРКОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ ОТ ШКОЛЫ

– Больше всего запомнилось в целом лояльное отношение ко мне учителей. В школе, как ни странно, никто не противился тому, чтобы я жертвовал учебой ради спорта. Хотя из-за тренировок порой приходилось прогуливать уроки. Но я не припомню, чтобы кто-то мне говорил в назидательном тоне: «Забрось ты свой футбол и садись за парту».

...БОЛЬШАЯ ГОРДОСТЬ ДЕТСТВА

– Многие завидовали мне из-за того, что у меня все получалось в спорте – и в футболе, и в хоккее. Но вместе с тем уважали. Причем и парни из старших классов, и учителя. Все-таки в простой сельской школе не было других ребят, одаренных во всех видах спорта. А учителя постоянно говорили: завтра у нас игра между такими-то классами по баскетболу: номер один – ты, Мостовой. Футбол – Мостовой. Хоккей – Мостовой. Волейбол – Мостовой. Прыгать, бежать куда-то – Мостовой. И я гордился тем, что без меня – никуда. Но это была правильная гордость. Я никогда не ходил по школе задрав нос, никого не замечая вокруг.

...СЛОЖНЫЙ МОМЕНТ ДЕТСТВА

– Он случился, когда мне было лет четырнадцать. Из-за того, что я не успевал на тренировки в ЦСКА, родители решили устроить меня в школу-интернат неподалеку от армейского манежа. Я продержался там месяца три. Это действительно было тяжело. В этом интернате в основном жили дети, у которых не было родителей. Возникало много ситуаций, когда надо было постоять за себя. Приходилось драться. Я вылезал только за счет своего боевого характера. А в один прекрасный момент родители приехали туда, увидели эту обстановку и забрали меня домой.

...ОБИДНОЕ НАКАЗАНИЕ ОТ РОДИТЕЛЕЙ

– Вспоминаю один случай. Расстроило даже не наказание, а моя собственная беспечность. В то время купить новые ботинки или костюм было очень трудно. Но однажды мама достала мне модные башмаки – синего цвета с мягкой белой подошвой. Она отстояла за ними два часа в очереди и переплатила три рубля сверху. Я в первый же день пришел в этих ботинках в школу, а после уроков мы побежали на стадион играть в футбол. Потом пришел домой – и у меня отвалилась подошва. Что делать? Попытался слепить пластилином. Засунул его под подошву и держал под нажимом. Когда пришли родители, мне досталось. Но я и сам сильно переживал. Очень уж мне нравились эти ботинки. Большинство наказаний шло со стороны отца. Он у меня строгий, а по характеру вспыльчивый. Эти черты я у него перенял.

Родители о Мостовом: Саша никогда не был сложным ребенком

Мать, Людмила Васильевна: Саша пристрастился к футболу с самого детства, глядя на отца. Насильно его никто не тащил, не заставлял. Это, видимо, гены. Да и среди игрушек у сына в основном были мячи.

Отец, Владимир Яковлевич: Иной раз подойдешь к Сашке, накатаешь ему мячик, а он – еще форменный карапуз – уже пытается стукнуть в ответ. Сразу было видно: парню это нравится. Потом начал водить его с собой на площадку. А дальше его самого затянул футбол.

Сашка с детства не любил уступать. Он и плакал из-за поражений, и злился на других ребятнишек, которые играли с ним в одной команде. Кричал: «Ну как ты мог не забить!» Очень переживал, если что-то складывалось не так.

В 1981 году, когда Саше было 12 лет, я отвез его в ЦСКА. Он тогда учился в четвертом классе. Просматривал его бывший футболист знаменитой команды лейтенантов Алексей Гринин. От ребят требовалось немного поработать с мячом, потом они совершали рывки, а в конце играли двухсторонний матч. Из Сашиной группы отобрали его и еще двух ребят.

ЦСКА мы выбрали потому, что эта школа располагалась удобней всего. От Савеловского вокзала до Ленинградского проспекта не так далеко. В тот же «Спартак» надо было ехать еще на метро. Свою роль сыграло и еще одно обстоятельство. Я тогда часто играл на любительском уровне в одной команде с армейскими ветеранами, в частности с Аликом Шестерневым. Он и посоветовал отдать сына в ЦСКА.

Мать, Людмила Васильевна: В школе Саша учился более или менее нормально. Двоек у него не было. В основном троечки-четверочки. Если постарается, мог пятерку получить.

Отец, Владимир Яковлевич: Когда приходил на родительские собрания, учителя говорили: «У вас очень сообразительный парень. Только иногда ленится или может что-то прослушать. Ему бы не отвлекаться, усваивал бы материал гораздо лучше». Но жалоб на него не было. Учителя понимали, что футбол увлек Сашку по-настоящему. Они знали: и отец у парня играл, и сам он по-настоящему любит спорт.

Мать, Людмила Васильевна: Лично я ни в коей мере не могу назвать Сашу сложным ребенком. С ним никогда не было проблем. Очень добрый, постоянно всех жалел, переживал, если что не так. Однажды они с ребятами узнали, что в поселок приехали люди, которые отлавливали бездомных псов. И тогда мальчишки мигом сбежали с уроков, чтобы спасти своих любимцев. Спрятали кого куда. Саша тоже притащил домой собаку.

При этом с детства он был очень самостоятельным. Мы не разжевывали ему: «Это можно, это нельзя, туда не ходи, сюда не ходи». Он и сам все прекрасно понимал. Конечно, не обходилось без шалостей. На улице мальчишки всегда резвились. Но дома Саша был очень серьезным. По мне, его и наказывать было почти не за что.

Отец, Владимир Яковлевич: Вспоминаю любопытный момент. Я вез Сашку на просмотр в ЦСКА. В тот момент сын еще не определился, чем он больше хочет заниматься – футболом или хоккеем. Поэтому мы взяли с собой и кеды, и коньки. Едем в электричке, начинаю разговор:

– Ну что, Саш, надо определяться: хоккей или футбол?

Лезу в сумку. Беру в правую руку коньки, а в левую кеды, поднимаю их, изображая весы, и говорю:

– Давай, решай.

Сашка смотрел на них, смотрел и потом как вздохнет:

– Па-ап! Ну ладно, давай футбол.

Мать, Людмила Васильевна: Футбол затмил все. Но мы не жалеем. И никогда не жалели. Главным для нас было, чтобы ребенок был чем-то занят, а не шатался без дела по подъездам.

Отец, Владимир Яковлевич: Сашке все время было некогда. Свободного времени минимум. Приезжает из ЦСКА, глянет на уроки, что-то там напишет, порешает, и уже время спать. А утром в школу. Поэтому у него и возможностей-то не было где-то гулять. Иной раз захожу в подъезд, смотрю, сидит кучка пацанов. Схватишь кого-нибудь за ухо:

– Ну, что вы тут собрались?

Смотрю: сигаретки. Говорю:

– Ну ладно, раз курите, не прячьтесь. Все равно дым кругом.

Достают:

– Ну ладно, дядь Володь, чего вы – нам уже четырнадцать.

– Четырнадцать... Глядя на вас, кто-то и в десять может закурить, – говорю им.

А Сашка даже никогда сигарету не держал. Я сам не курил, и отец у меня тоже. По наследству пошло.

Сложно было предположить, как у сына все сложится в ЦСКА. Я, конечно, советовал ему, на что обратить внимание. Армейские тренеры, в свою очередь, обращались ко мне: «Скажи сыну, чтобы в свободное время работал над рывком». Я и сам знаю, что стартовый рывок должен быть очень сильным, для этого есть специальные упражнения. А Сашка был технарь и играл размашисто, зато хорошо видел поле. Я отвечал его армейским тренерам:

– Поймите: невозможно сделать так, чтобы парень был одновременно и скоростной, и поляну видел, и пасы-конфетки раздавал.

Он же не может сразу быть Пеле или Марадоной. У всех свои недостатки и свои плюсы. Если он будет слишком резвым, то станет играть на себя, а не на партнеров. Вот у меня был козырь – скорость. И я брал за счет нее. У Саши другая манера: видит поле, может пробить или выдать пас на блюдечке. С ним приятно играть. Сегодня у нас таких футболистов раз-два и обчелся.

Был момент, когда в каком-то турнире, в решающем матче за ЦСКА Сашка не забил пенальти. Приехал убитый горем. Я ему:

– Что случилось?

– Пенальти не забил.

Детишки его затравили: мол, мазила. После этого он говорит:

– Все пап, не хочу больше ездить на тренировки.

Расстроился – страшно. Мы, как могли, утешали. Все понятно: ребенок. Вскоре все забылось, и он продолжил заниматься в ЦСКА.

Мать, Людмила Васильевна: *Саша всегда переживал в таких случаях. Позже, когда он уже выступал в Испании, делился со мной:*

– Не понимаю, как такое может быть: мы проиграли, а футболисты смеются после матча? Я с ума схожу, нервничаю, дергаюсь, а они – хохочут.

Отец, Владимир Яковлевич: *Разное отношение потому что. Я иной раз сплю и во сне как дам ногой по стене! Просыпаюсь. Жена с испугу:*

– Что случилось?

– Да сон приснился, будто по мячу бью!

Вот это футбол захватил так захватил.

За счет чего Саша пробился? Во-первых, гены. Во-вторых, футбольный характер. Настойчивость. Он хотел заиграть. И заиграл. Всего в своей жизни он добился упорством, трудом. Помогли, конечно, и тренеры: Романцев, Бесков... Но и годы в школе ЦСКА, я считаю, не прошли даром.

Глава 3. «Пресненская» семья

«...Когда приходил к себе в номер, падал в бесчувствии на кровать и не мог встать. Даже руку было сложно поднять, чтобы свет выключить. Представлял, что завтра предстоит все то же самое, и света белого не хотелось видеть».

Конечно, мне повезло, что попал в «Пресню» к Романцеву. Окажись я в 16 лет у Лобановского или другого тренера, который делал упор на физическую выносливость игроков, кто знает, что бы со мной случилось. Не исключено, плюнул на все и бросил футбол.

Физическая подготовка никогда не относилась к моим сильным сторонам. Я не любил много бегать на тренировках. Думал – бесполезная работа. Иное дело – занятия с мячом. Их я обожал. С техникой у меня всегда было все в полном порядке. Может, именно поэтому мне удалось быстро раскрыться в «Пресне». Я оказался романцевским игроком. А вот Димке Градиленко, который пришел в «Пресню» вместе со мной из ЦСКА, доставалось часто. Он был защитником и с мячом обращался гораздо хуже меня. Романцев все время «пихал» ему: «Дима, ну как можно, находясь в пяти метрах от своего партнера, отдать неточный пас?»

Мне очень нравилось, что упор на тренировках в «Пресне» делался на технику владения мячом, культуру паса. «Прежде всего надо уважать своих партнеров, – не раз говорил Романцев. – Пас нужно отдавать как можно удобнее, и сразу же стараться открываться, чтобы партнер испытывал минимум напряжения. Скорость игры не всегда зависит от скорости бега. Надо понимать, что человек никогда не обгонит мяч».

Позже у Бескова столкнулся с теми же самыми принципами и установками. Ясно, что это одна школа.

Первую тренировку в «Пресне» помню как сейчас. Это был декабрь 1985 года. Я приехал на стадион и долго не знал, куда пойти. Тут меня увидел местный администратор.

– Ты кто? Чего жмешься здесь?

– Мне сказали сюда приехать.

– Как фамилия?

– Мостовой.

– А-а, ну проходи в раздевалку. Сейчас придет старший тренер и все расскажет.

Зашел, сел в уголочке. Надо переодеваться, а у меня даже формы нормальной не было. Взял с собой обшарпанные кеды – не знаю, где я их достал. Дали костюм, маечку, штаны.

Постепенно начали подтягиваться ребята. Кто-то протягивал руку, кто-то проходил мимо. Потом, наконец, зашел Олег Романцев. Поздоровался со всеми и сказал: «Давайте на тренировку».

Вышли на футбольную «коробку». Романцев всех построил, после чего мы разбились на две команды и сыграли «двухсторонку» на снегу. По окончании тренировки ко мне подошел начальник команды Валерий Владимирович Жилиев и сказал приходить завтра в это же время.

Так начались мои будни в «Пресне». Впрочем, это я сейчас так их называю – «будни». А тогда они казались самой настоящей сказкой. В один из дней на тренировку к Романцеву приехали его спартаковские друзья – Дасаев и Хидиятуллин – поддержать форму. Увидев их, я замер от восторга. Такие звезды – и я рядом с ними. Смотрел на них широко раскрытыми глазами.

Через пару недель мне и Димке Градиленко сказали: вы остаетесь в «Пресне»! Душа пела. Нас взяли на ставку, платили ежемесячно по 60 рублей. Мои первые серьезные деньги.

Естественно, приносил их в дом. Себе оставлял поначалу какую-то мелочь. Каких-то глобальных трат в то время у меня не было.

Кроме нас с Димкой в «Пресне» занимались еще два молодых парня – Васька Кульков и Олег Иванов. Васька до этого успел потренироваться в «Спартаке». Помню, каким восторженным взглядом я на него смотрел, когда на одном из занятий «Пресни» он появился в красно-белой майке с ромбиком. Ощущения, будто человек побывал на Луне.

После недели работы в Москве «Пресня» уехала на сборы в Алушту. И вот уже там я впервые понял, что такое футбольные нагрузки. Каждый день – по три тренировки! Адовы муки, особенно для меня – не привыкшего ни к чему подобному. До этого я играл в детский футбол. А тут все было серьезно. Настоящая команда с профессиональным подходом к делу. Утром зарядка, потом кроссы, после них – еще одна тренировка.

Не знаю, как я осилил те сборы. Когда приходил к себе в номер, падал в бесчувствии на кровать и не мог встать. Даже руку было сложно поднять, чтобы свет выключить. Представлял, что завтра предстоит все то же самое, и света белого не хотелось видеть. Но вытерпел. Организм молодой, восстанавливался быстро.

Явно не лишней оказалась и поддержка Романцева. Он всегда находил для меня слова, которые помогали не раскисать.

– Надо терпеть, Саша, ничего страшного, – повторял Олег Иванович.

Валерий Жилиев и вовсе стал для меня вторым отцом. Он все время был рядом, направлял, помогал. Я всегда удивлялся энергии этого человека. Владимирыч отвечал в команде за всю хозяйственную часть и, казалось, успевал везде. Доставал для футболистов дефицит: продукты, кому-то – телевизор, холодильник, помогал в бытовых мелочах, говорят, даже иной раз лично распространял билеты на матчи «Пресни».

Как показалось, Жилиев и Романцев прониклись ко мне особой теплотой. Возможно, из-за того, что я был не из Москвы. Тогда эта разница чувствовалась особенно. Димка Градиленко после тренировки сразу ехал домой – он жил не так далеко от Серебряного Бора, где у нас была база, – а мне приходилось тащиться в свое Подмосковье. А дома не было даже телефона, так что по сравнению с другими был каким-то заброшенным.

Когда я пропускал тренировки «Пресни», Валерий Владимирович ездил за мной в техникум. Ловил меня в какой-нибудь аудитории.

– Ты почему не с командой?

– Не могу. Еще одну пару надо отсидеть.

Тогда Жилиев мчался в деканат. Вымпелочек какой-нибудь подарит, и меня отпускали. Садилась в такси – «Пресня» числилась за 7-м таксомоторным парком – и мчались на тренировку.

Отец, Владимир Яковлевич: Вскоре после того, как Саша оказался в «Пресне», его пригласили в юношескую сборную – в Ленинград, на Турнир Гранаткина. Эту команду возглавлял Анатолий Бышовец. Сын обратил на себя внимание во время товарищеского матча, в котором «Пресня» играла как раз с юношеской сборной. Бышовец спросил у Романцева:

– А какого года у тебя этот парень?

– Шестьдесят восьмого.

– О, как раз подходит.

И позвал к себе. Вечером Саша позвонил мне в контору и сказал: «Я остаюсь в сборной, меня взяли на турнир, мы едем в Ленинград». Столько было радости в голосе! В той команде играли Колыванов, Кирьяков, Добровольский.

В первый раз Бышовец выпустил Сашку на поле в матче с американцами. Перед этой игрой мне позвонил Алик Шестернев, который тогда был одним из тренеров в армейской

школе. Сказал: «Включай сегодня вечером телевизор – Сашку увидишь». Сын вышел на замену и словно по заказу забил пятый гол. Как же мы радовались!

...В начале 1986 года я все-таки бросил техникум. Совмещать учебу и тренировки стало решительно невозможно. Понятно, что после попадания в «Пресню» футбол в списке моих жизненных планов и приоритетов четко утвердился на первом месте. Хотя я и представить не мог, как дальше сложится моя судьба, куда выведет жизнь. Но радовался уже тому, что имел. Само ощущение – что меня взяли в команду – дорогого стоило.

В первое же межсезонье я побывал вместе с командой в нескольких зарубежных поездках. Сначала был в Венгрии. Прекрасно помню, как купил себе там баночку кока-колы, открыл и растянул удовольствие на два часа – тогда эта баночка казалась пределом мечтаний.

Следующий сбор проводили в Чехословакии, и во время него произошла очень любопытная история. Мы встречались с пражской «Славией» и победили 3:1, а я забил два гола. После матча подошли представители этого клуба, которые, очевидно, были впечатлены моей игрой.

– Иди, – говорят, – сюда, разговор есть.

Завели в кабинет, закрыли и спрашивают через переводчика:

– Парень, хочешь к нам? Ты нам понравился.

Я замер от неожиданности. Не знал, что и ответить. А они давай расписывать, как у них все хорошо: страна, условия. Подумал я тогда, подумал, и выпалил:

– Ну что ж, давайте. Я согласен!

А про себя мысли: «Во классно, подфартило!» Хотя и представить себе не мог, как это возможно – играть в другой стране.

Тут меня хватились в команде. В раздевалке Мостового нет – начальство в раздумьях: «Куда он мог запропасться?» Жилиев, наверное, весь стадион обегал, чтобы меня найти. Потом обнаружил. Вбегает взмыленный:

– Что у вас тут происходит?!

Чехи объясняют: мол, хотели бы взять этого футболиста к себе в команду. Владимирчк моментально:

– Что значит – взять? Как вы себе это представляете? А ну-ка, Саш, пошли отсюда.

И под руку меня.

В то время такой переход действительно сложно было представить. Чтобы молодого игрока просто так отпустили из Союза – это ни в какие ворота не лезло. Правда, через несколько лет занавес распадется и игроки поедут на Запад один за другим. Но в 1986 году время для этого еще не пришло. Понятно, что с чехами отношения мои не сложились. Но Жилиев тем не менее оставшуюся часть сбора не отходил от меня ни на шаг. Вечером провожал до номера, утром встречал, ходил вместе со мной завтракать, садился рядом в автобусе. Ни дать ни взять – личный телохранитель. Видимо, очень боялся, что меня каким-то образом все-таки переманят.

Я, впрочем, и не расстраивался, что с чехами ничего не получилось. Новая жизнь и так казалась приключением. К тому же дела в «Пресне» с самого начала пошли неплохо. Меня выпускали в контрольных матчах, и я очень старался себя проявить.

В Чехии случилась еще одна забавная история. Мы должны были играть матч коммерческого турнира. Со спортивной точки зрения он мало что значил. Ну и некоторые ребята перед игрой расслабились – все-таки Чехия, пивная страна. Кое-кто конкретненько так перебрал. Как следствие, на матч не получалось набрать даже 11 человек. Что делать? Где брать игроков? Спасая ситуацию, на поле вынужден был выйти сам Романцев, который к тому моменту уже два года как закончил игровую карьеру. Но без запасных выступать нельзя. Жилиев бегал как угорелый, искал, кого бы найти. И тут мы ему говорим:

– Владимирыч, а вы на что?

Тот призадумался. К тому моменту Жилиеву было под пятьдесят. Но что делать – ситуация безвыходная. Пришлось раздеваться в запас. Правда, на поле начальник нашей команды так и не вышел. Скатали ничейку без него.

Тем временем приближалось начало сезона... В первое время я и предположить не мог, что уже скоро стану одним из основных игроков «Пресни». Когда стартовал чемпионат, меня сначала выпустили на поле в паре матчей – оба проходили в Москве. Регламент второй лиги требовал заигрывать молодых футболистов в домашних встречах. Следом предстояло отправляться на выезд. Там обычно играла основа, мужики. В гостевых матчах не требовалось выпускать на поле молодежь. По регламенту достаточно было включить двух игроков до 18 лет в заявку. Я не удивился, услышав, что мне тоже надо ехать. Но когда Жилиев сказал, чтобы я готовился выйти на поле с первых минут, поначалу не поверил.

– Вы серьезно, Владимирыч?

– Более чем, Саша. Олег Иванович сказал, что с этого момента ты будешь выступать постоянно.

Так и случилось. Наверное, что-то разглядел во мне, тогда еще совсем молодом пареньке, Романцев. Да и у меня самого пошла игра. Действуя на позиции левого полузащитника, я не только участвовал в голевых комбинациях, но и сам записывал один за другим мячи на свой счет. «Пресня» выбралась на первое место, народ пошел на трибуны. Наш маленький стадиончик часто забивался под завязку. Для меня это было что-то несусветное. Сказка не имела конца. И это окрыляло. В команде я чувствовал себя словно дома.

В той «Пресне» сложился замечательный коллектив. Атмосфера – почти семейная. В Союзе вообще все были равны, никто не выделялся. Это сплавляло. Один за всех, и все за одного – так и жили. Конечно, к молодым всегда было особенное отношение, но меня старики почти сразу зауважали – из-за моей игры. И я старался держать марку.

В «Пресне» мне сразу стало понятно, что такое дисциплина. Слово Романцева было законом. С первого же момента я осознал, как серьезно и профессионально он относится к делу. Раньше я мог и посмеяться, и покричать, и кому-то «напихать», гонял своих ребят, а тут столкнулся с совсем другой ситуацией. Если работаем – значит, серьезно. Поначалу, глядя на строгого Романцева, был немного напуган. Но он прививал ответственность. И это мне очень помогло в дальнейшем. С 16 лет я понял, что дисциплина в футболе занимает первое место. В пределах разумного, конечно, – роботом быть не нужно. Но и вольностей позволять себе – тоже. С этого момента я стал воспринимать футбол как профессиональный вид спорта.

Если сказали быть на тренировке в 9.00, значит, надо быть в 9.00 и ни минутой позже. Понимал: если что не так – к хорошему это не приведет. Мне не надо было ничего объяснять по два раза. Потом сам Романцев говорил:

– Мостового один раз попросишь – и он все будет выполнять так, как нужно.

Сейчас уже другое время, другие законы. Сегодня 15-летний парень, играющий в детской спортивной школе, четко представляет, как он будет жить в профессиональном футболе, если проявит себя. А раньше мы ничего этого не понимали. Я не знал даже, как бутсы правильно завязать, поэтому любое указание Романцева выполнялось мной беспрекословно.

В тренировках, которые проводил Олег Иванович, очень привлекало то, что тренер едва ли не во всех игровых упражнениях участвовал вместе с нами. Причем он ни в какую не хотел уступать. Благодаря этому занятия получались яркими и запоминающимися. Часто играли в теннисбол или в «дыр-дыр» пять на пять. В одной команде – молодые, в другой – ветераны вместе с Романцевым. И если по ходу этих матчей мы вели в счете, то рубились до тех пор, пока старики не отыграются. Для Олега Ивановича это был вопрос принципа. Он не любил уступать даже в домино. Кстати, в команде эту игру очень любили. Романцев

и Жилиев были знаменитой парой доминошников. Каждая их игра превращалась в мини-спектакль.

В такие моменты строгость Олега Ивановича разом пропадала. Он словно преображался. Вне футбола – и смеялся, и шутил, охотно разряжая обстановку.

...Мне очень нравилось в «Пресне». Я пообвыкся и чувствовал себя в коллективе вполне комфортно. И тут, как гром среди ясного неба, прозвучали слова Жилиева:

– Саш, спартаковское руководство хочет, чтобы ты съездил сыграть за их дубль.

«Пресня» тогда условно числилась «под «Спартак»», и главный тренер красно-белых Константин Бесков вместе с начальником команды Николаем Старостиным и селекционером Валентином Покровским ходили практически на каждый наш матч. Там они меня и высмотрели. Но я категорически не хотел ехать ни в какой «Спартак». Еще бы – только-только освоился в «Пресне», а тут надо вливаться в новый коллектив. Не скрою: боялся. Пусть это был дубль «Спартака», а не первая команда, но я их практически отождествлял. Перед глазами стояло одно слово: «Спартак».

Чтобы я никуда не запропастился, Жилиев поехал на троллейбусе вместе со мной и лично проводил до Сокольников.

Потом, когда меня стали регулярно вызывать на тренировки спартаковского дубля, я, признаюсь честно, начал их прогуливать. Сажали меня в троллейбус, а я вылезал где-нибудь в центре и шел гулять по городу. Потом возвращался на базу «Пресни». У порога встречал Жилиев.

– Ты где был? Почему не поехал на тренировку?

– Ой, Владимирыч, зачем мне «Спартак»? Меня и здесь все устраивает.

В следующий раз Жилиев уже ехал на троллейбусе вместе со мной. А когда отпускал одного, обязательно потом отзванивался в «Спартак» – узнать, доехал ли я.

А порой меня возил на тренировки сам Романцев – на своей «копейке» ярко-оранжевого цвета. Во времена-то были!

До сих пор помню свой первый выезд с дублем «Спартака». Команде предстояло играть в Харькове с «Металлистом», а дубль в те времена ездил на гостевые матчи вместе с основной. Меня привезли на Курский вокзал – а там толпа народу. Все глазают, как уезжает «Спартак». И я, потерянный, стою и смотрю на все это – в своих кедах, маечке, с непонятной сумочкой. А мне говорят:

– Иди за ребятами, не отставай, у тебя пятый вагон.

Так я начал привыкать к «Спартаку». Хотя по-прежнему играл и за «Пресню». Команда продолжала побеждать всех подряд, пока не настал кульминационный момент – стыковые матчи за выход в первую лигу с «Кяпазом» из Кировабада.

Это противостояние до сих пор стоит перед глазами. Поначалу все складывалось удачно: дома мы победили, после чего отправились на ответную встречу. На стадион приехали за три часа до начала матча – трибуны уже заполнены до отказа. Но нас это не смутило. Как команда мы были сильнее. Да и у меня игра хорошо пошла – я буквально летал по полю, обыгрывая всех подряд. Меня и хватали, и цепляли – чего только не делали. Но арбитр – а судил нас известный в ту пору белорус Вадим Жук – почти на все нарушения со стороны хозяев смотрел сквозь пальцы.

Думаю: «Что за дела?» Обыгрываю двух соперников, вхожу в штрафную, меня откровенно сбивают – судья как будто ничего не замечает. Встаю и непонимающе смотрю по сторонам: что происходит?

Во втором тайме судьи начинают душить нас уже внаглую. Все свистки в одну сторону. У кого-то из хозяев метровый офсайд – боковой не сигнализирует. Я начинаю психовать. Спрашиваю по-детски у ребят:

– Что творится-то?

Я самый молодой, не привык к этому. А мне говорят:

– Главное, будь аккуратнее, если их игрок забежит в штрафную.

– Как так? А если он без мяча забежит?

– С мячом он забежит или без – все равно нам свистнут пенальти. Посмотри, как судит-то, бармалей.

Ух, и завелся я тогда! «Все равно победим!» – внушил я себе. А в составе команды соперников выступал парень, с которым я был знаком по юношеской сборной. И в один из моментов он неожиданно говорит мне:

– Да не носись ты так по полю-то. Все равно проиграете.

– Почему? Мы же вас «возим» весь матч. Вы вообще ничего сделать не можете.

– Сейчас увидишь.

Я посмотрел на него непонимающим взглядом. И вскоре я действительно увидел. Более того, стал самым что ни на есть главным участником эпизода, предрешившего исход матча. Был обычный игровой момент, не предвещавший ничего опасного. И тут какой-то чудака из команды соперников пробросил мяч в штрафную и помчался туда, хотя шансов на успех не было никаких – я легко перехватывал мяч. Но этот парень знал, что делал. Не снижая хода, он намеренно врезался в меня и упал как подкошенный. Моментально раздался свисток Жука – пенальти. И вот тут я сорвался окончательно, перестав себя контролировать. Подбежал к тому упавшему парню, начал орать на него, потом на судью. А Жуку только того и надо. Он мигом достал красную карточку. С поля меня уводили едва ли не под руки.

Пенальти нам забили, матч мы проиграли, в первую лигу не вышли, а со мной после матча произошла самая натуральная истерика. Я заперся в номере и никому не открывал. А команде пора на самолет. Меня нигде нет. Чуть ли не с милицией, по словам Жилиева, искали. В конце концов открыли дверь вторым ключом, и все ко мне:

– Ты что? У нас же самолет!

А я весь в слезах. Схватили меня в охапку, довели до автобуса и мигом в аэропорт.

Так я в первый раз в своей жизни узнал, что такое судейский произвол. В своей дальнейшей карьере я не раз буду сталкиваться с подобным беспределом. И никогда не смогу воспринимать его спокойно. Но тот случай в Кировабаде запомнил на всю жизнь.

... По окончании сезона-85 меня вызвали к себе Романцев с Жилиевым. Усадили рядом, и Олег Иванович произнес:

– Саш, тебе надо ехать в «Спартак». Насовсем.

Я отпрянул:

– Зачем? Не хочу.

– Мы и сами были бы рады, если бы ты остался. Но надо ехать. Тебе пора играть в серьезный футбол.

Спорить смысла не было, но я упирался до последнего. До слез дошло – так я не хотел из «Пресни» уезжать. Это все равно что покидать семью. А к «Спартаку» еще привыкнуть надо. Думал: приеду, а на меня все будут смотреть свысока.

Не мог, к примеру, забыть, как в первый раз – еще летом 1986 года – зашел в спартаковский автобус. Основа, как я уже отмечал, ездила на матчи вместе с дублем. Приехал в Сокольники, смотрю: стоит автобус, вроде наш. Захожу и сажусь на первое свободное место. По-моему, ряд на четвертый или пятый. Тогда я не знал, что в автобусе у всех свои места. И тут в салон начинают входить игроки основы. Один смотрит в упор на меня:

– Эй ты, щенок, ты чего здесь сел? А ну-ка давай отсюда.

Я мигом схватил сумку и помчался куда-то назад. Только потом понял: дубль всегда должен сидеть в конце салона.

Это, конечно, мелочь, тем более что коллектив в «Спартаке» окажется вполне неплохой. Но в тот момент я боялся неизвестности. И сопротивлялся отъезду из «Пресни» до

последнего. Эта команда дала мне путевку в жизнь. Окажись я в другом клубе, не задайся у меня игра с первых матчей – и, быть может, никто Мостового как игрока так и не узнал бы. Но мне улыбнулось футбольное счастье. Свой первый шаг во взрослом футболе я сделал уверенно. На очереди был второй.

Валерий Жиляев о Мостовом: Саша с детства не стеснялся собственного мнения

– В школе ЦСКА Мостовой не особенно выделялся. Но Романцев сразу разглядел в нем талант. Сам Саша поначалу удивился, когда мы обратили на него внимание. Но он быстро освоился в команде – если брать в расчет чисто футбольный аспект. В жизни же Саша поначалу был ужасно застенчивым. Лишнего слова не скажет. Но если что-то говорил, то всегда метко. Зрил в корень. Когда ему что-то не нравилось, прямым текстом заявлял об этом.

Помню, как в первый раз его позвали играть за дубль «Спартака». К нам на базу в Серебряный Бор позвонили как раз после обеда. Но Саша сразу заартачился:

– Я не поеду.

– Как это – не поедешь? – спрашиваю.

– Я только пообедал, не готов. Как я покажу себя? На меня же будут все смотреть.

Пришлось брать его под руку и вести на троллейбусную остановку. Сам бы он ни в какую не поехал. За ним нужен был глаз да глаз.

Помню, как он сдавал «хвосты» в техникуме. Я приехал вместе с ним и пошел к преподавателям. Говорю:

– Поспрашивайте его, но не слишком жестко, ладно?

Потом возвращаюсь к Саше:

– Давай, иди. Тебя ждут.

– Нет, не пойду. Я ничего не знаю. Я не могу. Мне стыдно.

И – ни в какую. Но, в конце концов, получается его уговорить: «Все, прекращай спорить, иди. Там к тебе будут благосклонны. Если что, помогут ответить». Силой заталкиваю Сашку за дверь и еще потом ногой держу ее, чтобы он не вздумал убежать обратно.

Через 20 минут выходит счастливый:

– Спасибо, Владимирыч. Все нормально.

Потом я помогал Саше и в институте физкультуры, куда мы его устроили на следующий год. Впрочем, к Мостовому преподаватели относились доброжелательно – все-таки он был действующим спортсменом.

На поле Сашу выделяла непредсказуемость. Было ощущение, что он сам не знает, что вытворит в следующую секунду. Но эта импровизация позволяла ему оставлять не у дел соперников одного за другим. Конечно, на тренировках Олег Иванович был требовательным. Если Мостовой обижался на что-то, мне приходилось втолковывать нашему новичку, как надо реагировать:

– Пойми, это же главный тренер. Ты обязан его слушаться. Романцев для твоей же пользы все делает. Если он тебе ничего говорить не будет, кто тогда скажет?

Через год Мостовой оказался в «Спартаке». Первым туда отправили Кулькова, но потом его попросили поменять на Сашу. Лично мне очень не хотелось расставаться с нашим талантливым парнем. Мы с ним столько работали вместе, что фактически сжились. Он мне был как сын.

Саша и сам не хотел уезжать. У нас в команде была отличная обстановка, дружная. Все друг другу – словно родственники. Мы жили на базе в Серебряном Бору, числившейся за горкомом партии. Прекрасное питание, свежий воздух, уютные номера. Мы часто собирались вместе. Это сближало. Я, как начальник команды, старался поддерживать теплую атмосферу. Такой обстановки, какая была в «Красной Пресне», я потом нигде не встречал.

Поэтому Мостовой и не хотел уезжать. Переживал, что в «Спартаке» у него не сложится. Опять же, меня там не было. Саша очень боялся, что будет в новой команде одиноким. Приходилось опять беседовать с ним, уговаривать.

Почему я сразу установил над Сашей шефство? Во-первых, из-за его характера. Я видел, что он ведет себя очень скромно. Ему было непросто освоиться. А, во-вторых, почти сразу же стало понятно, что Мостовой перспективнейший игрок. О таких ребятах надо заботиться по-особенному, чтобы талант не оказался зарытым в землю.

Если Саша был неправ, я ни в коем случае не повышал на него голос. Наоборот, старался логически объяснить, почему он ошибается. Иной раз пойдем с ним куда-то вдвоем, я обниму его и говорю:

– Саш, ну вот тут ты ошибаешься. Давай лучше сделаем по-другому.

Мне удавалось его убеждать. Сначала он молчал, слушал, а потом говорил:

– Да, Владимирыч, ты прав.

А вот заставить его извиниться было очень тяжело. Характер у Сашки все же крайне непростой. Но я считаю, что наибольших успехов в этой жизни достигают как раз такие люди, которые могут отстаивать свою точку зрения, а не стоят по стойке смирно. Но парень он порядочный.

При этом у Саши всегда все было в порядке с дисциплиной. Он неукоснительно соблюдал режим. В этом плане у него не возникало никаких проблем.

Когда Саша перешел в «Спартак», я продолжил заочно его опекать. Старался держать над ним шефство вплоть до момента, когда он уехал за границу.

Помню, как доставали ему машину – за победу в чемпионате-1989. Мы получили очередь через Главное управление торговли, и предстояло выкупить автомобиль. Ехать нужно было в Южный порт. А там у меня имелись связи. Я приехал еще до открытия, зашел через служебный вход, пробежался по нужным людям и урегулировал все вопросы. Оставались пустяковые моменты.

А у дверей стояла толпа – ждала открытия. Надо было подниматься по широкой лестнице на второй этаж – занимать очередь в окошки. И там, в числе прочих, стоял Сашкин отец – Володя. Я сел на диванчик и смотрю на них сверху через окно. И вот – народ запускают. Вижу картину: толпа несется по лестнице, а впереди отец Сашки. Но толпа сзади уже начала его догонять. И он тогда делает разом две подсечки – справа и слева. Народ валится с ног, возникает натуральная свалка, а он летит вперед. Я же смотрю и улыбаюсь:

– Куда бежишь, Володь?

– Как куда?

– Не переживай, я уже решил все вопросы. Все уже давно оформлено.

...Когда Саша уехал в «Бенфику», я продолжал с ним перезваниваться. В 1993 году он мог вернуться в «Спартак», но в итоге оказался во Франции, в «Кане».

А в 1999 году, когда у Саши возникли разногласия с Романцевым, тренировавшим сборную России, я постарался стать связующим звеном. Рад, что мне удалось сгладить ситуацию. Начальник команды обязан заниматься и такими вещами. Все конфликты должны по возможности улаживаться.

Считаю, что заграничная карьера Саши сложилась неплохо. Я всегда следил за ним. Жаль только, что закончил он свой полет из-за этого нелепого конфликта в сборной...

Глава 4. Такой разный Романцев

«...Посмотришь, допустим, в столовой на тренерскую тарелку: «О, Олег Иванович, у вас, я смотрю, борьба с весом». А он в ответ: «Посмотри, что Шалимов ест».

Эту главу я хочу целиком посвятить Олегу Ивановичу Романцеву – человеку, благодаря которому я состоялся как игрок. Именно он разглядел во мне потенциал и дал шанс – а шанс в этой жизни значит очень многое, именно он научил серьезно относиться к футболу, именно его я могу назвать своим тренером – тренером, который не мешал, а, наоборот, помогал мне раскрываться.

Многие говорят, что за 15 лет тренерской карьеры Романцев кардинально изменился. Возможно, это и так. Но люди, которые осуждают и критикуют его, не понимают, какой это стресс – тренерская работа. Когда каждый твой шаг обсуждается миллионами. Когда любая ошибка смакуется недоброжелателями. Когда, наконец, ты тренируешь такую команду, как «Спартак».

Со стороны всегда легко рассуждать. А представьте себя в его шкуре и поживите так, как жил он. Уверен: тогда у вас будут совсем иные мысли и ощущения. Возможно, другой на его месте вообще бы не выдержал. Представьте: на протяжении 10 лет быть тренером «Спартака» и национальной сборной: сколько критики, сколько проблем, сколько переживаний. Говорили, что Романцев снимал накопившуюся моральную усталость алкоголем. Ну а как без этого? Известным людям жизнь и работа даются вдвойне тяжелей, потому что на них все время смотрят по-особенному, словно под микроскопом. Если тебя никто не знает, ты пройдешь мимо, на тебя и не взглянут. А если ты человек известный, долго будут глазеть вслед и шушукаться.

Романцев у каждого свой. У меня тоже. Специально делаю здесь акцент, потому что многие футболисты, читая эту книгу, возможно, со мной не согласятся. Они могли застать другого Романцева и думают: Мостовой неправ.

Но мне Олег Иванович запомнился человеком, который уважал игроков. Я почувствовал это уважение с первых же дней, хотя пришел в «Пресню» 16-летним пацаном. Казалось бы, кто я – простой парень непонятно откуда, и кто Романцев – совсем еще недавно капитан «Спартака», игрок сборной. Он мог меня не замечать. Мало ли таких пареньков? Сегодня один, завтра другой. Но Романцев никогда не относился ко мне пренебрежительно. Наоборот – всегда здоровался, подсказывал, помогал.

Да, в работе он был строгим. Но в жизни меня привлекали его открытость и веселость. Таким он был не только в «Пресне», но и в «Спартаке», команде совершенно иного уровня. Где бы мы ни находились – в столовой ли, где еще, – свободное время у нас всегда протекало в шутках, со смехом. Иным тренерам слова лишнего сказать не можешь – боишься. Тем более если люди не понимают шуток. Романцев же отличался великолепным чувством юмора.

Предположим, обед в Тарасовке. Стол, где сидела наша четверка, соседствовал с романцевским. А как обычно бывает в таких случаях? Игроки прибегают, как можно быстрее едят, чтобы не мозолить тренеру глаза, и мигом обратно. Мы же никуда не торопились и спокойно могли переброситься с Романцевым парой шуточек. Посмотришь, допустим, в столовой на тренерскую тарелку:

– О, Олег Иванович, у вас, я смотрю, борьба с весом.

А он в ответ:

– Посмотри, что Шалимов ест.

Нет, дистанция, безусловно, существовала, но отношения все же были доверительными.

Я уже упоминал, что Романцев относился ко мне по-особенному. Изучив мой характер, он понял, что кричать на меня нельзя – это пойдет только во вред. Я с детства не любил, когда на меня повышали голос. Если это делали сверстники – сразу лез в драку. Если взрослые – обижался. Романцев запомнил эту особенность моего характера. Он был превосходным психологом и прекрасно понимал, что к каждому человеку нужен свой подход. На кого-то накричишь, и пойдет на пользу. А я, если мне говорили что-то в резкой форме, играл только хуже.

При этом я видел немало случаев, когда Романцев кричал на других футболистов. Валерку Карпина, когда он только пришел в «Спартак», Иваныч едва ли не на каждом разборе долбил – за то, что он неправильно открывался, бежал не туда, куда нужно. Зато потом Карп стал футболистом европейского уровня.

В отношении меня подобные вещи были исключением. Прекрасно помню один эпизод, произошедший во время мини-футбольного турнира в Германии, в которых мы участвовали каждый год. Я претендовал на то, чтобы стать лучшим бомбардиром, а Романцев решил меня заменить. Я воспротивился:

– Не пойду меняться, зачем?

И тут Романцев моментально вскипел. Крикнул он на меня так звучно, что я опешил. В первую секунду даже не понял, что произошло. Как это может быть: так орут – и на меня? Но до мозга крик дошел мигом – я моментально перепрыгнул через бортик и заменился.

Однако потом мы не разговаривали, наверное, дня два. И Романцев еще раз убедился, что на меня лучше лишний раз голос не повышать. Когда ждали автобус, который должен был увезти нас с матча обратно в гостиницу, я специально ушел подальше от всех. Романцев глянул – меня нет. Послал Жилыева на поиски. Тот подошел и говорит:

– Иди, Саш, у тебя Иваныч хочет что-то спросить.

– Нет, не пойду, я лучше тут постою.

Так и не пошел. Потом, когда приехал автобус, залез в него одним из последних. А к Романцеву подходить и не подумал. Разумеется, вскоре все сгладилось. У нас постоянно шли тренировки, игры – рабочий процесс не прекращался. Но маленькая зарубочка у Олега Ивановича наверняка осталась.

Конечно, в дальнейшей жизни случалось всякое. Но здесь надо разграничить: быт – это быт, а поле – это поле. Бывают игровые моменты, когда тренер злится из-за твоего неточного паса или загубленного момента. Это в порядке вещей. И совершенно другое дело, когда после игры ты приходишь в раздевалку и на тебя начинают спускать всех собак.

Если я и бывал в чем-то не согласен с Романцевым, то чаще всего это происходило именно в связи с заменами. Мне казалось: если меня меняют, значит, я плохо играл. Сейчас-то я понимаю, что это не всегда так. А тогда хоть и чувствовал, что играю вроде бы неплохо, но все равно – в подсознании сидело, что при замене меня ущемляют. Я ничего не высказывал, но обижался. Потом, в Европе, я стал относиться к этому проще. Хотя порой все равно не соглашался с решением тренера. Я же понимал, когда игра у меня идет и все получается. В такие моменты меняться ну никак не хотелось.

Вспоминаю еще один любопытный случай. Произошел он еще в пресненские времена. Играли товарищеский матч. А соперник у нас был – слабее не придумаешь. Я поначалу даже не хотел ехать на эту встречу. Первый тайм – забиваем пять голов, а можем – в два раза больше. Я творю с соперниками, что хочу. Обыгрываю одного за другим, нехотя, прокидывая мяч между ног противников. И думаю: зачем надо было устраивать этот цирк? Перерыв. Подхожу к Романцеву:

– Олег Иванович, я на второй тайм не выйду.

– Что это значит, почему?

– А зачем мне выходить – они же играть не умеют!

Романцев задумался. А потом улыбнулся и говорит: «Ну ладно, не выходи тогда». А сам матч закончился совсем с неприличным счетом.

Все-таки Романцев умел разбираться в ситуациях. Представляете: 17-летний парень – и вдруг говорит тренеру, что он не выйдет на второй тайм. Но Олег Иванович и сам понимал, что моя помощь особенно не нужна. Поэтому и отреагировал на мои слова улыбкой.

Отец, Владимир Яковлевич: *Я Романцева и раньше знал. Когда в 1973 году я делал операцию на мениске в первом физкультурном диспансере, Олег лежал в одной палате со мной – у него были проблемы с желудком. Мы знали друг друга в лицо. А потом я приехал на «Красную Пресню», он меня вспомнил. И сказал: «Здорово твой парень к нам вписался».*

...Когда Романцев что-то высказывал игрокам, он никогда не делал это в грубой форме. Строго – да. Но не унижая достоинство футболистов. Ту же особенность я позже заметил и у Бескова. Константин Иванович тоже спокойно ко всем относился, но иногда мог поговорить очень серьезно. И Бесков, и Романцев выражали свои эмоции так, чтобы не унижить игрока. Главное – чтобы футболист усвоил сказанное. Это отличало их от других тренеров. Получалось: вроде бы и «напихал» тебе тренер, но при этом обиды на него нет. Я опять-таки не беру в расчет те годы, про которые говорят, что Романцев изменился. Я вспоминаю свои времена.

Отмечу, что Романцев очень не любил подхалимства. Есть такие люди, которые хотят подлизаться и тут, и там, а сами – себе на уме. В футболе я видел немало подобных примеров, в том числе когда играл за границей. Я же никогда и никому не старался понравиться. Всегда считал: главное – хорошо делать свою работу. А я – такой, какой я есть, и меня должны воспринимать именно так. Думаю, что Романцев уважал во мне эту черту и понимал как никто другой.

Когда я перешел в «Спартак», наши пути с Олегом Ивановичем разошлись на два года – чтобы снова потом сойтись. О том, что Бесков покинет команду, уже давно шли разговоры. Но что на смену придет Романцев, я и предположить не мог.

О его назначении я узнал весьма забавным образом. В конце 1988 года, когда у руля команды еще оставался Бесков, мы с Игорем Шалимовым в составе юношеской сборной улетели в Индию – на ежегодный турнир памяти Джавахарлала Неру. Турнир был длительным. Когда мы вернулись, в аэропорту нас встретили люди из обслуживающего персонала «Спартака». Проводили, сказав напоследок, во сколько и где у нас завтра тренировка. Приезжаем в Сокольники. И тут я смотрю – Васька Кульков собственной персоной. После того как я ушел в «Спартак», он снова перебрался в «Пресню», а потом уехал вместе с Романцевым в «Спартак» из Ordzhonikidze.

Подхожу к нему, недоумевая:

– Вась, а ты-то что здесь делаешь?

– Да ты чего, я в «Спартаке»! – удивляется он.

Я делаю круглые глаза и начинаю «травить» его – по-свойски так, по-панибратски. Ну а как иначе: я – игрок московского «Спартака», а он – в своем Ordzhonikidze. Говорю ему:

– Вась, да ладно, какой московский «Спартак» и ты? Вот мы – в «Спартаке», а ты чего тут болтаешься – непонятно.

– Хорош, я уже несколько дней тут тренируюсь.

– Да кто тебя взял-то?

– Я с Иванычем пришел.

Тут уже настал мой черед недоумевать:

– С каким Иванычем?

– Как с каким? С Романцевым.

– Да ладно!

Иду в раздевалку и действительно вижу Романцева. Вот, думаю, сюрприз. Но сюрприз однозначно приятный. У меня сразу возникло ощущение, будто так все и должно быть. Словно не расставались. Мы очень тепло поздоровались. Я почувствовал, что Олег Иванович тоже рад меня видеть.

Очень порадовала и встреча с Жилиевым. Хотя Владимирыч и после моего ухода из «Пресни» не переставал меня опекать. Оберегал от попадания в армию... Но об этом подробнее – в следующей главе.

...В начале своей работы в «Спартаке» Романцев столкнулся с внушительным прессом. Люди со стороны считали, что он во всем копирует работу Бескова, идет по проторенной дорожке, не привнося ничего своего.

На самом деле ничего он не копировал, хотя похожего действительно было много. Но смысл отказываться от хорошего? Если болельщику спартаковский стиль был виден из космоса, зачем его менять? Поэтому упор и делался на сохранение традиций. Ломать всегда легко. Создавать – гораздо тяжелее. В связи с этим решено было не отказываться от того, что нарабатывалось годами.

И потом, надо учитывать еще один момент. История знает массу примеров, когда тренеры, приходя в новую команду, ничего в ней со старым багажом не добивались. А в данном случае, напротив, «Спартак» и футбол яркий показывал, и, в конце концов, первенство СССР выиграл.

После той перетряски, которая произошла вслед за уходом Константина Ивановича, ребята успокоились. Сначала, правда, существовала некоторая напряженность. Начальники волновались: как примет Романцева коллектив и игроки, со многими из которых он сам выступал бок о бок. Но проблем не возникло. С его приходом, напротив, все объединились и стали друг другу помогать.

Романцев не дистанцировался от ребят ни в быту, ни в тренировочном процессе. Он вместе со всеми играл в квадратах, не чурался сам выполнять какие-то упражнения. И пусть на первых порах люди со стороны его и критиковали, футболисты готовы были биться исключительно за тренера. Причем и старики, и мы, молодежь. Вероятно, за счет этой сплоченности «Спартак» в первый год и стал чемпионом. Случилось это в памятном матче с динамовцами Киева. Кассета с этой игрой до сих пор лежит где-то у меня на полке. Сам я тогда вышел на замену – только-только восстановился после тяжелой болезни, воспаления легких.

В следующие два года в романцевском «Спартаке» начала происходить смена поколений. С отъездом за границу Родионова, Черенкова, Шмарова на первые роли стали выходить игроки моего поколения. Однако скоро пришел и наш черед уезжать. Мой лучший друг в «Спартаке» Игорь Шалимов переправился за рубеж на полгода раньше, чем я, и меня это очень расстраивало. С этого момента я начал ждать любого шанса, чтобы отправиться за границу.

Понятное дело, Романцев был против моего отъезда. Хотя и понимал это желание. Но сама ситуация, при которой я покинул «Спартак», не могла не обидеть тренера. Я должен был уезжать в немецкий «Байер». «Спартак» уже согласовал условия моего перехода, а я в последний момент изменил свое решение – решил махнуть в Португалию, в «Бенфику». При этом уехал тайком от всех.

В следующий раз мои дороги с Романцевым пересекутся в сборной России, в отборочном цикле Евро-96. Из-за памятного письма «четырнадцати» и моего решения все-таки ехать на чемпионат мира-94, что привело к конфликту с Шалимовым и негативной реакции ряда других игроков (подробнее об этом – в одной из следующих глав), меня поначалу не

вызывали. Но рано или поздно это должно было произойти. Мне кажется, не мог Олег Иванович игнорировать меня до последнего. Я чувствовал, что все-таки был у него «любимчиком», хотя мне и не нравится это слово. Но я завоевал тренерскую любовь не интригами и напештываниями, а своей игрой.

В ту романцевскую сборную я вписался без проблем. До сих пор считаю: в тот момент у нас собралась сильнейшая команда в постсоветской истории. Это были мои лучшие годы в сборной. Я и тренировался, и играл в удовольствие. Жаль, что во время финального турнира произошел конфликт по вине федерации, и это сказалось на результате. Олег Иванович очень сильно переживал.

После Евро-96 про Романцева опять рассказывали много историй – что он перестал общаться с футболистами и даже не ходил в столовую вместе со всеми, дескать, пищу ему носили в номер. Но, с другой стороны, почему бы и нет? Человек весь в футболе. Может, ему десять игр надо посмотреть за день? Смысл ему идти в столовую?

Хотя не стану скрывать, что в сборной Романцев мне показался более закрытым, чем в свое время в «Спартаке». Не в отношении ко мне, а вообще. Клуб – это устоявшийся коллектив. В сборной все немного иначе, на то она и сборная. В нее приезжают 20 человек из разных команд. Здесь уже надо держать дистанцию. Потому что все люди разные, каждый знаком со своими футбольными правилами. Понятно, что Романцев в таком коллективе держался не так, как в мое время в «Спартаке». Но со мной Олег Иванович всегда был открыт. Я по любым вопросам мог обратиться к нему. И шутил он в общении со мной с не меньшим энтузиазмом.

В следующий раз, когда Романцев возглавит сборную, у нас с ним возникнет недопонимание, из-за которого отборочный цикл Евро-2000 для меня получится рваным. Подробнее об этом я расскажу в одной из следующих глав, посвященной сборной России. Однако тот факт, что, несмотря на все трудности, мы через некоторое время снова оказались вместе, говорит о многом. Когда люди так хорошо друг друга знают, по-иному быть просто не может. И если даже в силу обстоятельств мы говорили друг о друге что-то не очень приятное, то знали: через какое-то время все равно подойдем и пожмем руки, обнимемся. Потому что все эти слова идут не от сердца – в них виноваты иные причины.

Вспоминаю свое отчисление из сборной на Евро-2004 в Португалии. Всем же известно, что Иваныч дружит и с Жорой Ярцевым, который убрал меня из команды. Они в замечательных отношениях. И, тем не менее, одним из первых, кто мне тогда позвонил, был Романцев. Он сказал:

– Ты держись. Сейчас тебя будут все бомбить и крушить. Но ты не переживай и веди себя достойно.

Конечно, он не говорил, что на Евро я сделал все правильно. Заметил лишь, что я должен выйти из этой ситуации спокойно и цивилизованно:

– Никого не вини, в том числе Жору. Ты знаешь, у него такой характер. Если что, всегда звони. Я помогу и подскажу, как правильно себя вести.

Я ответил:

– Спасибо, Олег Иванович. Я действительно все это понимаю.

Понимал я и то, что свои слова он сказал от души.

Как-то, когда я был в ресторане с одним знакомым, услышал, что он разговаривает по телефону с Романцевым. Я не мог не попросить у него трубку. Мы общались минут 20. И за это время я лишний раз убедился: несмотря на все трудности и проблемы, которые случились за последние 20 лет, Олег Иванович сохранил ко мне такое же теплое отношение, что было у него еще в стародавние пресненские времена. Это меня очень радует. А я без тени сомнения готов повторить: Олег Романцев – мой самый любимый и лучший тренер за всю карьеру.

Самое-самое от Романцева

...ЗАПОМНИВШИЕСЯ СЛОВА

– Я вспоминаю одну из своих первых поездок вместе с «Красной Пресней» на заграничный турнир. Я, Димка Градиленко, Васька Кульков и Олег Иванов – молодые – собрались в одном купе. Как тронулись, сразу решили сразиться в картишки. Едем, играем, жизнь прекрасна. Вдруг открывается дверь и входит Иваныч:

– Ну что, молодежь, сидите?

Мы как-то сразу перепугались, зажались все. Отвечаем: мол, да так, Олег Иванович, решили немножко развяться. Он не стал ничего плохого говорить, лишь пошутил:

– Небось, на деньги играете, да еще и на большие.

И сел рядом. Начал смотреть, как мы играем, и общаться с нами. Спрашивать про наши дела. А мы, в свою очередь, стали задавать ему вопросы о том, как он выступал в свое время.

Романцев рассказывал свои истории, байки, как играл в Бразилии, Аргентине. А я слушал его с широко раскрытыми глазами, думая: неужели такое может быть? И, естественно, не веря, что тоже когда-нибудь буду играть на каком-нибудь высоком уровне. Я еще подумал тогда: «Что он нам-то это все рассказывает? У него Бразилия, а мы у себя в «Пресне» играем с какой-нибудь пятой бензоколонкой». А вслух произнес:

– Да, Олег Иванович, у вас карьера классная была, нам такого не видеть.

И тогда он мне ответил:

– Попомнишь мои слова, все у тебя еще будет. Не усмехайся и не отрицай. Вот увидишь: все это тебя ждет впереди.

Эти слова запали мне в душу. Я сидел и думал: а что на самом деле меня ждет? Я всего месяц или два был в команде и не знал, что мне уготовано в будущем. Когда через год попаду в «Спартак» и, более того, заиграю там, то вспомню этот разговор: «Неужели прав был Олег Иванович?» А я ему не верил.

...ПАМЯТНАЯ УСТАНОВКА

– Мне особенно запомнилась одна из первых установок Романцева, еще в «Пресне». Мы должны были проводить очередную встречу на выезде, и после обязательных слов о тактике Олег Иванович сказал:

– Ребята, в принципе, мы должны их обыграть. Но главное, вы постарайтесь отдать мяч Саше Мостовому и не мешайте ему. А он уже сам во всем разберется. И тогда у нас все получится.

Мне это показалось диким. Почему выделили меня? За что? Тем более, я тогда играл левого полузащитника. Видимо, дело было в моей технике. Я мог обвести трех, четырех человек и отдать точный пас. А ту встречу мы выиграли 2:0.

...СИЛЬНАЯ ЧЕРТА

– Как и у Бескова – найти игрока, Романцев не раз раскрывал футболистов. Взять хотя бы меня. Да, выступал в «Пресне», был одним из основных футболистов. Но как он мог понять, что я смогу заиграть в «Спартаке» и, более того, выйти в этой команде на первые роли?

Романцев многих игроков открыл для большого футбола. Можно хотя бы вспомнить, сколько его ребят потом уехали за границу: Карпин, Никифоров, Онопко, Ледяхов, Попов. Поп вообще в Ярославле лыжами занимался. Когда он приехал в «Спартак», я подумал: «Боже мой, кого нам привезли». Он говорит:

– У меня лыжная подготовка была.

– И чего, ты прямо на лыжах сюда пришел? – спрашиваю его я.

А Романцев начал выпускать его в основном составе. Поначалу Попов был нападающим. Бежал непонятно куда. Я удивлялся:

– Куда ты мчишься-то? Мяча там нет.

– Я всегда так бегаю, – отвечал Димка.

Потом Романцев передвинул его в полузащиту, а следом – в оборону. А после этого наш Папен (так мы в шутку зовем Димку между собой) смог дорасти до испанской лиги.

...ПАМЯТНЫЙ МАТЧ

– Кроме победы над «Наполи» запомнилась еще и успешная игра в матче с французами на «Сен-Дени». Пусть я провел на поле только 20 минут, но успел прочувствовать всю атмосферу, все то огромное напряжение, витавшее на поле и за его пределами. Выделю еще один матч – золотую победу над киевским «Динамо» в 1989 году, когда решающий гол на последней минуте забил Валерий Шмаров.

...СЛОЖНОЕ УПРАЖНЕНИЕ НА ТРЕНИРОВКЕ

– «Максималка». Ее не любили все. Обычно она проводилась после выходного, чтобы поддержать физическую кондицию. Это рваный бег на время. И все время надо ускоряться. 12 минут бега поперек поля без пауз. Сил нет, а все равно надо бежать. Работаешь на пределе возможностей. А тренер все время подгоняет. Только пробежал 60 метров, как надо мчаться обратно. Молодые «максималку» еще выдерживали, а те, кто постарше, – не всегда. В Европе мы таких упражнений не делали. А когда приезжали в сборную, знали: «максималка» будет на сто процентов. И все шутили по этому поводу. Жаловались вторым тренерам: «Это же каменный век, в Европе уже давно такими вещами не занимаются». При Ярцеве в сборной тоже была «максималка». У него ведь то же самое видение футбола, что и у Романцева.

...ЗАПОМНИВШАЯСЯ ПОХВАЛА

– В одном из интервью Романцева спросили: «Кого вы считаете самым сильным футболистом из тех, с кем вам доводилось работать?» И он ответил: «Мостового и Черенкова». Меня это тронуло.

Олег Романцев о Мостовом: я сразу понял: это настоящий бриллиант

– Когда мы впервые встретились с Сашей, он практически сразу произвел на меня впечатление. Я на своем тренерском пути пересмотрел не одну сотню футболистов и могу сказать, что Мостовой один из самых талантливых игроков, с которыми я пересекался. При этом он один из самых сложных. Однако с ним было очень и очень приятно и интересно работать.

Прекрасно помню, как Саша впервые попал в поле моего зрения. Он окончил футбольную школу ЦСКА, но там никому не приглянулся. А я взял его к себе. Привлек к тренировкам. Потом поставил на какую-то игру. И, кстати, выпустил левым полузащитником. Я тогда даже не знал, какой он футболист. Но когда Сашка отыграл первый тайм, я понял: настоящий бриллиант. Он сыграл великолепно, пожалуй, лучше всех, да и сам получил настоящее удовольствие от игры.

В дальнейшем Мостовой не сбавлял уровня. Не случайно команда быстро его признала, хотя он был в том составе младше всех. Его приняли как своего, как равного. И уже вскоре Сашка стал играть ведущие роли в «Красной Пресне», выделяясь не по годам.

В том же году я порекомендовал его в дубль «Спартака». Хотя Саша очень не хотел туда идти. Ему нравилось в «Пресне», нравились ребята, которые играли вместе с ним. Однако я сказал ему:

– Саша, ты перерастаешь нашу команду. Надо попробовать себя в «Спартаке».

Я порекомендовал его Бескову, чтобы он посмотрел его в дубле команды. И сначала Константин Иванович остался недоволен Сашей. Помню, Валерий Жилиев подошел ко мне и говорит:

– Константин Иванович спросил: кого вы мне присылаете?

Я ответил:

– Ладно, Сашке эти слова передавать не будем.

Прошел еще месяц, и Мостовой заиграл в «Пресне» еще лучше. Зову Жилиева и говорю:

– Нет, Валерий Владимирович, давай снова вези его в «Спартак». Я совершенно убежден: нашу команду он перерос.

Со слезами мы отправили Сашку на тренировку, вдвоем за руки довели до троллейбуса. Потом он провел матч за дубль «Спартака». И там уже нельзя было не заметить его таланта. Отыграл он прилично. После этого попеременно стал выступать за две команды. Но по завершении сезона он окончательно попрощался с нами. А вскоре стал ведущим игроком в «Спартаке».

Мне было абсолютно не жалко отпускать Сашу из «Пресни». Я знал: этим человеком я буду гордиться. Я сам настаивал на этом переходе. Говорил: надо, надо. А что «Пресня»? В одиночку он все равно не выиграл бы чемпионат страны.

Я гордился, что выпестовал его. Помню, как утром, часов в восемь, когда команда отправлялась на завтрак, я брал его и Ваську Кулькова на теннисную площадку, и там они отрабатывали удары – с левой, с правой. Постоянно внушал им: «Тренируйтесь ребята, еще и еще, это пригодится». Работали до слез на глазах. Сейчас сам Сашка вспоминает те времена с удовольствием. Он знал, что у него есть слабые места. И тренировать их надо именно так. Предполагаю, что в то время Сашка меня очень не любил. Но я заставлял его работать, потому что так было нужно.

Мне сразу стало ясно: найти к Мостовому подход – задача непростая. И как ни странно, в спорных ситуациях он часто был прав. Но при этом Сашка не понимал одного: жизнь гораздо сложнее, чем кажется, и иногда в ней нужно идти на компромиссы. А он их не признавал. По-моему, он и сейчас такой. Белое – значит белое. Черное – черное. Хороший человек – значит хороший. Саша не понимал, что к плохим людям порой надо искать подход. В этом плане с ним было нелегко. Порой приходилось подолгу разговаривать, что-то объяснять, в чем-то убеждать.

– Саша, жизнь – сложная штука, – говорил я ему. – И иногда в ней случаются вещи, к которым ты не привык.

В футбольном плане Сашка имел уйму козырей. У него практически невозможно было отобрать мяч. Кроме этого он отличался тактической мудростью и хитростью. В этом плане Мостовой был как взрослый. И мог сразу же, с 16 лет, заиграть в любой команде. Сложность была одна – не очень хорошее здоровье. Он не мог выполнять слишком большого объема работы на поле. Но у меня в свое время тоже были проблемы в этом плане. Я тоже мучился. Большие нагрузки наша с ним печенька не воспринимала. А когда ты не выполняешь огромного объема работы на поле, у других складывается ощущение, что отлыниваешь, не выкладываешься до конца. В остальном же у Сашки все было заложено изначально. Мне очень трудно понять, по каким параметрам Мостового оценивали в школе ЦСКА и как его могли там не разглядеть? Я до сих пор не знаю ответа на этот вопрос.

Когда я принял «Спартак», Сашка уже был в нем одним из ведущих игроков. На некоторое время его подкосила болезнь – воспаление легких, но потом все пришло в норму, и он опять вышел на первые роли. При этом вне поля Мостовой не любил выделяться. Саша, к примеру, не стремился быть капитаном в «Спартаке». Ему это было не нужно. Да, потом ему доверили повязку в «Сельте». Но в Испании так заведено: капитанами становятся главные

старожилы команды. А в «Спартаке» Саша никогда не пытался быть лидером коллектива в быту. На поле старался выделяться, а вне его – ни в коем случае. Так было и в сборной, когда я ей руководил.

Хотя нет: все-таки выделялся. Могу поведать один очень любопытный момент, о котором я еще никогда не рассказывал. Когда команда собиралась в автобусе, Саша имел обыкновение приходиться последним. Мы всегда его ждали. Установка прошла, люди волнуются, хотят поскорее поехать на игру, а Мостового нет. Но при этом хоть бы на секунду, шельмец, опоздал! Нет, такого не случилось ни разу. Сказали быть в автобусе в полтретьего, и в это время он на месте. Но при этом ни разу не пришел хотя бы на две минуты раньше. Всегда секунда в секунду. Потом он уже вообще начал прикалываться. Прятался за колонной, а сам смотрел на часы, чтобы прийти тютелька в тютельку. Тем самым давал повод для шуток и создавал позитивное настроение в команде.

При этом Саша перед матчами почти никогда не волновался. Ему словно бы все равно было, с кем играть – условно, со сборной Бразилии или с колхозом «Светлый путь». Такой же в «Спартаке» у меня был Дима Хлестов. Непрошибаемые ребята. На матчи настраивался Саша серьезно, без всяких улыбок. И так же серьезно играл. И никогда никого не боялся. Это, по-моему, здорово.

Саша – настоящий мастер. Из поколения 80-х он, пожалуй, самый талантливый, наряду с Федором Черновым. В последнее время футбол изменился. Но техника сейчас все равно в почете.

За границу я Сашу отпускал с тяжелым сердцем. Хотя понимал: здесь, в России, он сделал все, что мог. Но тогда времена такие были: если игроки уезжали – то надолго. Из «Пресни» в свое время отпустил его без проблем. Я знал, что все равно его увижу, буду ходить на его матчи в «Спартаке», не исключал и того, что, возможно, пересекусь с ним по работе. Иное дело – заграница. Я понял, что уже отрываю его от сердца.

Чего не хватило Саше, чтобы полностью реализовать себя за рубежом? Думаю, опять же здоровья. С техникой и тактикой у него проблем не было. Он бы прибавил. Но так получалось, что некоторые тренировки ему проходило пропускать, некоторые проводил индивидуально. Работай Мостовой, как обычные футболисты, он был бы величайшим игроком.

Я не вижу смысла бояться этих слов. Уверен: Мостовой мог заиграть и в «Реале», и в «Барселоне». Причем легко и непринужденно. Уверен и в том, что он находился бы в этих клубах на ведущих ролях. Это мы привыкли превозносить «Реал» и «Барсу». А Сашка выходил против них и устраивал шоу на поле – в составе соперников равных ему порой не находилось.

Да, когда я был тренером сборной, Саша иногда у меня не играл. Например, в 1999 году. Он порой выпадал из тренировочного процесса из-за травм, а за это время я наигрывал костяк команды. Я старался объективно подходить к работе. А сложности бывали со всеми игроками, и с ним – в том числе.

Зато отборочный цикл перед ЧМ-2002 Мостовой провел великолепно. Я поставил его опорным полузащитником – на несвойственной для него позиции, – и Саша не подвел. При этом помню некоторые игры, когда Мостовой находился далеко не в самых оптимальных кондициях: он даже центр поля почти не переходил, но при этом умудрялся вести всю игру.

О конфликтной ситуации, которая случилась на чемпионате Европы-2004 между Мостовым и Ярцевым, я высказываться не хочу. Она очень щекотлива. И в особенности для меня. Георгий Александрович – мой близкий друг. Сашу же я в определенной мере могу назвать своим сыном. По крайней мере, отношусь я к нему именно так. Таких ребят у меня было не так уж и много. Я изначально не взял ничьей стороны в этом конфликте. В связи с одним простым моментом: я не знаю его истинной причины. И не хочу ее знать. Для меня важны отношения с обоими этими людьми.

Может ли Мостовой сам стать тренером? На мой взгляд, это человек с мудрым взглядом на футбол. Он многое знает, многое повидал. По жизни Саша честный и порядочный, и это очень хорошие качества. Но главный его недостаток – бескомпромиссность. Есть вероятность, что он очень быстро обломает себе крылья и потеряет веру вообще во все. К сожалению.

Если он все-таки захочет стать тренером, я бы пожелал ему как раз этой самой гибкости. Не обязательно проявлять ее всегда, под всех подстраиваться. Но бывают ситуации, когда нужно идти на компромисс. Порой надо выслушивать мнения, которые тебе неприятны и ты с ними не согласен. Ничего страшного: выслушай. И попробуй убедить этого человека в том, что он неправ, а не просто обижайся на него. А в остальном же у Саши все есть. Я желаю ему здоровья и успехов в его тренерской карьере. Пусть он знает: у него всегда есть я. Если что, я в любой момент ему помогу.

Глава 5. Первое чемпионство

«...Захожу в кассу, и мне, как обычно, говорят: распишись вот здесь. Смотрю: а у меня там значится совсем другая сумма, гораздо больше, чем у других молодых ребят. Пацаны, узнав об этом, сразу начали возмущаться: «А-а, как же так?!» А я в шутку, с пафосом: «Играйте лучше, молодежь».

Хотя и не хотел я уходить из «Пресни» в «Спартак», но освоился в новой команде достаточно легко. Как я уже отмечал, на первых порах мне всячески помогали Романцев и особенно Жияев. Владимирыч рассказывал, кто на какой позиции играет, кто у меня конкурент, у кого какие сильные стороны. Советовал, как себя вести.

Так как добираться до спартаковской базы в Тарасовке из своего Останкина мне было очень долго, в один прекрасный момент начальник команды Николай Петрович Старостин подозвал меня и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.